

Лиз Мюррей

КЛУБ БЕЗДОМНЫХ МЕЧТА- ТЕЛЕЙ

СЕГОДНЯ –
НА УЛИЦЕ,
ЗАВТРА –
В ГАРВАРДЕ

ПОКА У ТЕБЯ ЕСТЬ МЕЧТА, ВСЕ ВОЗМОЖНО!
Publishers Weekly

18+

Лиз Мюррей
Клуб бездомных мечтателей
Серия «Проект TRUE STORY. Книги,
которые вдохновляют (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11673267
Клуб бездомных мечтателей / Лиз Мюррей: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80362-0

Аннотация

«Мы и вы – не одно и то же. Вам принадлежат центральные улицы, нам – темные закоулки. Ваше время – день, наше – ночь. У вас есть будущее. Мы живем только «сейчас». Вы нас презираете. Мы вас ненавидим. Вы можете попасть в наш мир. Мы в ваш – никогда. Почти никогда».

ЛИЗ МЮРРЕЙ родилась в одном из бедных районов Нью-Йорка в семье наркомана и проститутки. Несколько лет жила на улице. Сегодня – один из самых востребованных ораторов. Выступала на одной сцене со Стивеном Кови, Михаилом Горбачевым, Тони Блэром и далай-ламой. Историю ее жизни Ронда Берн включила в свой легендарный проект «Герой».

Содержание

Пролог	5
I. Опасный район	7
II. Взрослое детство	31
III. Цунами	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лиз Мюррей

Клуб бездомных мечтателей

Liz Murray

Breaking Night: A Memoir of Forgiveness, Survival, and My Journey from Homeless to Harvard

Copyright © 2010 Liz Murray

This edition published by arrangement with Hyperion, New York, New York, USA. All rights reserved.

© Андреев А. В., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Имена и внешность главных героев были изменены.

Эта книга посвящена трем людям, любовь которых помогла мне ее написать.

Эду Фермину. За годы, что мы провели вместе, и за годы, которые нам еще предстоят. Спасибо тебе за то, что ты заботился о моем отце. Спасибо, что делился со мной планами и мечтами, а также что ты – часть моей семьи. Спасибо за то, что ты мне всегда помогал. Когда я думаю, что в моей жизни было хорошего, я вспоминаю о тебе.

Артуру Флику. За советы, как лучше рыбачить, за поездки на мотоцикле и за все наши путешествия, которые я всегда буду вспоминать с теплотой и радостью. Спасибо за то, что был моим ангелом-хранителем и помогал мне понять, что говорило мое собственное сердце. Ты прав, Артур, человек сам выбирает свою семью.

Робин Дайан Линн, щедрой и великодушной женщине, которой можно доверять. Робин, твоя душа – настоящее золото, и ты на многое готова, чтобы помочь другим. Ты делаешь мир лучше. Спасибо за то, что показала, как надо быть верной самой себе в любых жизненных ситуациях.

Не давайте тому, что вы не можете сделать, помешать тому, что можете.

Джон Вуден

Тот, кто хочет петь, найдет песню.

Шведская пословица

Пролог

У меня осталась всего одна фотография моей матери. Небольшая черно-белая карточка, заломанная в нескольких местах. На ней мама сидит, немного ссутулившись, положив локти на колени. Я практически ничего не знаю о том периоде жизни матери, когда была сделана эта фотография. На обратной стороне оранжевым фломастером написано: «Напротив дома Майка на Шестой улице, 1971». В том году маме было семнадцать лет, то есть она на год старше, чем я сейчас. Я знаю, что Шестая улица находится в Гринвич-виллидж, но понятия не имею о том, кто такой Майк.

Судя по фотографии, мама была серьезным подростком. Ее губы плотно сжаты. Голову обрамляют черные кудрявые волосы. Больше всего мне нравятся ее глаза. Они – как два блестящих черных агата.

Я внимательно изучала черты матери, запоминала их и потом сравнивала со своим отражением в зеркале. Я распускала волосы точно так же, как у нее на фото. Стоя у зеркала, я медленно водила пальцем по своему лицу, начиная с глаз. Наши глаза очень похожи, правда, у матери они коричневого цвета, а у меня желто-зеленые, как у бабушки. Потом я начала сравнивать губы и поняла, что они у нас тоже очень похожи. Несмотря на то что у нас есть общие черты, моя мать гораздо красивее меня.

Я сравнивала наши лица много-много часов. Это была моя игра, в которую я играла, когда у меня не было дома и я жила у разных друзей. Ночью я подходила к зеркалу в ванной, запирала дверь и начинала сравнивать наши лица. Мои друзья мирно спали в соседней комнате. Их уложили спать родители, пожелав спокойной ночи. Пока они видели сны, я проводила у зеркала много часов, ощущая голыми ступнями холод от кафельного пола.

Я до рассвета стояла у зеркала. Если я ночевала у Джейми, то сразу после восхода солнца звенел будильник ее матери, после чего она шла в ванную. Если я ночевала у Бобби, то сигналом, что пора ложиться, были звуки грузовика, который вывозил мусор.

Я тихо подходила к своей раскладушке. Я никогда не позволяла себе слишком расслабляться, потому что не знала, где буду ночевать в следующую ночь. Потом я лежала на спине и продолжала в темноте водить пальцами по лицу, представляя маму. Я думала о том, что наши жизни очень похожи.

В шестнадцать лет мама тоже была бездомной. Она, как и я, бросила школу. Точно так же, как я, мама каждый день принимала решение, где она будет спать в эту ночь: на крыше, в парке, в подъезде или в метро. Мама жила в Бронксе, и о том, что на темных улицах она находится в опасности, ей постоянно напоминали сирены полицейских машин и небольшие плакаты с фотороботами преступников, наклеенные на фонарных столбах.

Я размышляю, было ли маме страшно. Мне вот в последнее время все время страшно. Я постоянно думаю о том, где буду спать ночью: у друзей, в пустом вагоне или где-нибудь на лестничной площадке.

Я медленно вожу пальцем по лбу и губам. Мне так хочется почувствовать мамино тепло, когда она меня обнимает. Я думаю о маме и начинаю плакать. Потом поворачиваюсь на бок, вытираю слезы и накрываюсь с головой выданным мне одеялом.

Я стараюсь прогнать мысль о маме и запрячь ее в самые глубокие недра подсознания. Я стараюсь думать, что происходит за стенами дома, увешанного портретами членов семьи Бобби, уйти мыслями туда, где на улицах Бронкса пьяные латиноамериканцы, сидя на ящиках, играют в домино, громко стуча кулаками о стол, в который победитель «вбивает» свою последнюю фишку. Я стараюсь думать о чем угодно, и постепенно мамин образ исчезает. Если я продолжу думать о ней, я не смогу заснуть. Мне нужен сон, потому что через несколько часов я снова окажусь на улице, и мне некуда будет податься.

Мама, Шестая улица, Гринвич-виллидж, 1971

I. Опасный район

Впервые отец узнал обо мне, когда мама пришла навестить его в тюрьме. Мама подняла подол платья, чтобы показать через разделявшее их стекло свой большой живот. Тогда моей сестренке Лизе было уже чуть больше года. Мама взяла с собой и ее, чтобы отец на нее посмотрел.

Позже, размышляя о своей жизни, мама говорила так: «Мы с папой не это планировали. Так получилось, дорогая».

Мама начала употреблять наркотики, когда ей было тринадцать. Она говорила: «Мы с папой хотели бросить. Мы думали, что рано или поздно станем точно такими же людьми, как и все остальные. Папа хотел получить постоянную работу, а я мечтала, что буду стенографисткой в суде».

Мама употребляла кокаин внутривенно. Так белый порошок давал более сильный «приход», и его требовалось меньше, чем когда нюхаешь. Весь наркотик без потерь попадал в кровь, проходя по венам, как шаровая молния. После дозы мама чувствовала себя хорошо и была готова встретить новый день.

«Порошок дает мне энергию», – говорила она.

Мама стала наркоманкой еще подростком. Она выросла в доме, в котором царила атмосфера насилия и злобы.

«Бабушка была чокнутой, Лиззи. Папа приходил домой бухой и начинал всех нас бить – электрическими шнурами, палками – всем, что под руку попадалось. Бабушка после этого шла на кухню и убиралась, бормоча что-то, словно ничего особенного не произошло. Она вела себя словно, блин, Мери Поппинс, пока мы все зализывали раны».

Мама была старшей из четырех детей в семье. Она часто говорила о чувстве вины перед братьями и сестрами, которых бросила в тринадцать лет, когда ушла из дома.

«Я больше не могла там оставаться даже ради Лори и Джонни. По крайней мере, Джимми повезло, и его забрали в другую семью. Надо было выбираться оттуда как можно быстрее. Понимаешь, под мостом было удобнее и безопаснее, чем дома».

Я спросила маму, чем она занималась под мостами.

«Ну, дорогая, что мы делали... Общались с друзьями, болтали о жизни. О наших фиговых родителях. О том, что здесь нам лучше. Мы говорили... ну, и «торчали», конечно. А когда «торчишь», не имеет большого значения, где ты находишься».

Мамина наркозависимость началась с клея и марихуаны. Иногда она жила у друзей. Она зарабатывала на жизнь проституцией и порой работала курьером на велосипеде. Потом она постепенно перешла на амфетамин и героин.

«Тогда Гринвич-виллидж был совершенно запредельным местом. Я носила высокие кожаные сапоги, плащ-накидку и была худой, как палка. У нас тогда прикиды были очень серьезные, мы прикольно одевались. Говорили на жаргоне. Видела бы ты меня тогда!»

Когда мама познакомилась с папой в 1970#х, в моде были густые усы, диско-музыка и кокаин. Мама рассказывала, что отец был «красавцем и дико умным».

«Понимаешь, у него были мысли. А я общалась с полными недоумками и лузерами, а твой отец был совсем другим. У него голова хорошо варила».

Мой отец родился в семье ирландских католиков, проживавших в пригороде, из среднего класса. Его отец был капитаном морского корабля и сильно пил. Мать – работающая и тихая женщина, которая не хотела мириться с «мужскими глупостями», как она их называла.

«Лиззи, знай, твой дедушка был алкоголиком. Мерзкий человек, который много пил и очень плохо относился к людям, – сказал мне однажды отец. – А твоя бабушка не захотела мириться с этим. Ей было наплевать, что тогда разводов было мало, она взяла и развелась».

После развода мой папа уже никогда не встречался со своим отцом.

«Он, Лиззи, был очень непростой человек. Наверное, даже хорошо, что он от нас ушел. С ним все было бы только сложнее».

Детские друзья папы описывали его как ранимого ребенка, который очень остро переживал расставание с отцом. Его мать нашла работу, на которой трудилась целыми днями, а мой папа был предоставлен сам себе. Он или сидел дома один или вечерами навещал своих немногочисленных друзей. Иногда даже казалось, что он растет не у себя дома, а в чужих семьях. Его отношения с матерью были далеко не идеальными.

«Твоя бабушка не была общительным человеком, – рассказывал мне папа. – Она – типичная ирландка-католичка. О чувствах мы в семье не разговаривали. Если ты произносил слово «я», то дальше надо было говорить «хочу есть» или «замерз». Без вариантов. Мы с матерью не говорили о личном».

Хотя моя бабушка, может быть, и не испытывала материнской теплоты к сыну, она делала все возможное, чтобы у него было обеспеченное будущее. Она хотела дать ему хорошее образование. Она работала бухгалтером на двух работах и все деньги вкладывала в образование сына.

Папа учился в лучших католических школах Лонг-Айленда. В средней школе Шаминейд¹ отец сидел на одной скамье с детьми из самых богатых семей. Большинству его сверстников родители подарили на шестнадцатилетие первые автомобили, а папа добирался до школы на автобусах с пересадкой.

У папы были все предпосылки, чтобы стать успешным человеком. Однако частное образование не послужило хорошим стартом, потому что он стал наркоманом.

Папа читал американские романы, гостил на загородных дачах своих богатых одноклассников, игнорируя телефонные звонки матери, а в качестве развлечения «закидывался» амфетамином под трибунами на школьном поле для игры в американский футбол.

Папа был умницей, но постоянное употребление наркотиков привело к тому, что в школе ему было сложно сосредоточиться, потому что ночами он не спал. В последний год обучения в школе папа подал документы и был принят в колледж, расположенный в центре города. Он думал, что образование в хорошем колледже обеспечит его будущее. Но старые привычки забываются с трудом, и отец продолжал «торчать» на Манхэттене.

Через пару лет папа направил всю свою энергию не на учебу, а на продажу наркотиков, превратившись в известного дилера. Окружавшие его подельники не имели никакого образования и называли его «профессором». Папа был в наркошайке главным и занимался вопросами стратегического планирования и развития бизнеса.

Он два года отучился на психологическом факультете и одновременно с учебой устроился за минимальную плату социальным работником. Однако поддерживать два разных стиля жизни – студента/социального работника и наркодельца – оказалось непросто. В конечном счете папин выбор решили деньги. Он забросил колледж, ушел с работы, снял квартиру в восточной части Гринвич-виллидж и вместе с бригадой отсидевших в тюрьме подельников полностью посвятил себя наркоторговле.

Вот в такой наркоманской среде мои мать и отец впервые повстречались.

Через пару лет после их первой встречи они снова увиделись в квартире общего знакомого. Гости танцевали диско, а на подносах, словно прохладительные напитки, были выложены жирные дорожки кокаина и амфетамина. Потом отец начал продавать матери

---

¹ Элитная католическая школа, существующая с 1930 г. – *Здесь и далее прим. перев.*

наркотики. Мама жила на улице и никогда ранее не общалась с таким воспитанным и «продвинутым» человеком, как отец. У мамы было ощущение, будто она познакомилась с кинозвездой.

«Ты бы видела, как отец исполнял роль хозяина вечеринки. Он был лидером и вел себя так, что все начинали испытывать к нему чувство глубокого уважения».

Тогда маме было двадцать два, а папе тридцать четыре года. Мама одевалась по моде 1970#х – в микрошорты и балахоны в стиле хиппи. Папа говорил, что у нее были пышные длинные черные волосы и пронизательные глаза цвета янтаря. Он утверждал, что мгновенно в нее влюбился. Ему понравилось, что мама казалась одновременно невинной и жесткой.

«Она была совершенно непредсказуемой, – говорил он. – Было непонятно, наивная она или холодная и расчетливая. Она могла быть и той и другой».

Начался роман, и они стали неразлучны. Точно так же, как и любая другая влюбленная пара, они проводили время вместе, только в отличие от большинства не ходили в кино и рестораны, а вместе дырявили себе вену. Их объединили наркотики. Они принимали наркотики для того, чтобы заниматься сексом. Постепенно они отошли от своих компаний и подолгу гуляли по Манхэттену, взявшись за руки. Захватив с собой немного кокаина и пару бутылок пива, они уходили в Центральный парк, залезали на пригорки и, обнявшись, сидели в свете луны.

В начале 1977 года они начали жить вместе. Маме было двадцать три, когда в феврале 1978#го родилась моя старшая сестра Лиза.

Когда Лиза была совсем малышкой, папа взялся за осуществление одного из своих самых смелых планов. Он стал выписывать поддельные рецепты на болеутоляющие препараты для онкологических больных. Каждая из таблеток, по словам отца, могла «вырубить лошадь» и продавалась среди наркоманов по пятнадцать долларов за штуку. У папы со времен колледжа осталось достаточное количество знакомых, которые каждую неделю покупали несколько сотен таблеток, поэтому мама с папой просто купались в деньгах.

Папа не хотел сесть в тюрьму и действовал очень аккуратно. Терпение и внимательность к деталям, говорил он, способны сотворить чудеса. Он настаивал на том, чтобы все было сделано «правильно». Он внимательно изучил карту Нью-Йорка и разработал план посещения аптек, в которых мог «отоварить» рецепты, чтобы не светиться слишком сильно. Самым опасным моментом этой авантюры было получение товара, потому что, по закону, в случае с такими сильными препаратами аптекарь должен был позвонить доктору, выпиравшему рецепт, чтобы удостовериться в его подлинности.

Папа разработал план обмана аптекарей. В те времена телефонная компания не проверяла документы доктора, который подключал себе новый рабочий номер. Папа придумывал имена врачей, а иногда использовал имена профессоров, которые обучали его в колледже, например Ньюман, Коэн или Глассер. Аптекарь дозванивался до офиса «доктора» и говорил с его «секретаршей», которую изображала моя мама.

Мама с папой работали из дешевых меблированных комнат, которые снимали на неделю в разных частях города. «Рабочие дни» были длинными, и мама не могла заниматься Лизой. Ей тогда было всего несколько месяцев, и о ней заботились мамины друзья.

Наркоприятели помогали папе подделывать рецепты, а он делился с ними частью доходов. Подельники изготавливали печати с именами «докторов» и высококачественные фальшивые бланки рецептов. Папа превращал эти бланки и печати в золото. Он считал свой план абсолютно «безопасным», но однажды мама допустила ошибку.

Правда, папа признался, что и сам совершил ошибку.

«Нам не надо было самим употреблять эти препараты. Это совсем лишнее, только мозги сжигает и заставляет идти на лишний риск, чтобы получить таблетки».

В общем, мама из-за своей зависимости не заметила опасности или просто очень хотела получить таблетки. Папа неоднократно предупреждал маму, как будет вести себя заподозривший неладное фармацевт. Мама могла бы и сама догадаться, что надо скорее бежать, когда она занесла рецепт в аптеку, а после того, как пришла на следующий день за лекарством, аптекарь попросил ее подождать еще двадцать минут. За это время фармацевт позвонил в полицию. Папа предупреждал маму о таком сценарии, но в критический момент она не прислушалась к его советам.

Мама всегда была упорной и шла до конца. Потом она объяснила мне свое поведение в тот роковой день: «Я не могла вернуться с пустыми руками. Ведь шанс, что он вынесет таблетки, все-таки был».

По звонку фармацевта подъехала патрульная машина. На маму надели наручники, и полицейский забрал ее. В то время мама была беременна мной, хотя еще этого не знала.

Оказывается, что ФБР уже более года собирало информацию на людей, подделывающих рецепты, – то есть на моих родителей. Рецепты и кадры установленных в аптеках видеокамер стали неоспоримым доказательством преступной деятельности мамы и папы. Когда агенты ФБР пришли арестовывать отца в квартире в Ист-виллидж, они нашли дорогие шубы, золотые украшения, тысячи долларов наличкой и даже бирманского питона в большом аквариуме.

Моего отца обвинили в подделке документов. В день суда представители обвинения вкатили в зал три продуктовые магазинные тележки, доверху набитые поддельными рецептами, выписанными отцом.

– Вы можете что-нибудь добавить, господин Финнерти? – спросил папу судья.

– Нет, ваша честь, – ответил он. – Оставлю это без комментариев.

Суд хотел отнять у матери Лизу, но с момента ареста до суда мама регулярно посещала специальную программу для родителей с преступным прошлым. Кроме этого сердце судьи смягчил огромный живот мамы, и все обвинения с нее были сняты.

Мама была оправдана, а вот папа получил три года тюрьмы. В день, когда Рональд Рейган был выбран президентом, отца перевели в тюрьму Пассаик в городе Паттерсон, штат Нью-Джерси.

На суд мама принесла два блока сигарет и большую «колбасу» двадцатипятицентовых монет, чтобы звонить из тюрьмы. Она была уверена, что ее осудят и посадят. Однако судья удивил всех, включая мамино адвоката. Он с сожалением посмотрел на маму, осудил ее условно и закрыл дело.

До начала суда мама заплатила залог в тысячу долларов. Это были ее последние деньги. После получения условного срока маме вернули их в виде чека.

Мама решила использовать эти деньги на покупку краски, толстых занавесок и ковров для нашей трехкомнатной квартиры в Бронксе на Юниверсити-авеню – в месте, которое в последующие годы станет одним из самых опасных в Нью-Йорке из-за высокого уровня преступности.

Я родилась в первый день осени. В тот год лето выдалось на редкость жарким. Дети из нашего района открывали на улицах гидранты, выпускавшие фонтаны прохладной воды, а мама около каждого окна поставила по вентилятору. Днем 23 сентября² 1980 г. моя бабушка по материнской линии позвонила отцу, который еще не был осужден, но находился под следствием, и сообщила о рождении дочери. В моей крови были обнаружены следы наркотиков, но, к счастью, я родилась здоровым и нормальным ребенком. Мама в период беременности мной и моей старшей сестрой продолжала употреблять. Я описала взявшую меня в руки

---

² Американцы не привязывают жестко смену времен года к первым числам определенных месяцев. В США считается, что времена года меняются с опозданием приблизительно на три недели.

медсестру, принимавший роды врач признал меня здоровым ребенком, четырех с половиной килограммов веса.

«Питер, она очень на тебя похожа. Просто твое лицо».

В тот же день папа дал мне имя Элизабет. Мои родители не были официально женаты, и отец после родов не мог заявить о своем отцовстве, поэтому я получила фамилию Мюррей – по матери.

Дома меня ждала колыбелька в свежевыкрашенной детской комнате. Лицо работницы социальной службы, которая однажды пришла к маме, чтобы проверить, как идут у нее дела, выражало крайнюю степень удивления. Наша квартира была в идеальном состоянии, холодильник полон еды, а мы с Лизой одеты в новые платья. Мама была рада, что социальная работница написала о своем визите самый лестный отзыв. Ей выделили пособие, чтобы она могла растить детей, и наша новая жизнь на государственной дотации началась.

В последующие несколько лет мама время от времени без нас посещала папу и призывала к своей новой роли трезвой матери-одиночки. Иногда мы все вместе ходили в соседнюю церковь Толентин, где монахиня выдавала маме «кирпичи» сыра, гигантские брикеты арахисового масла без соли и буханки хлеба в коричневых бумажных пакетах. Мама держала в руках всю эту снедь, а монахиня осеняла нас крестным знаменем. Потом мы отправлялись домой, и моя старшая сестра Лиза везла меня в коляске.

Продукты из церкви, а также овсянку с изюмом мы ели на завтрак. На обед – хот-доги из свинины, которые в магазине *Met Food* стоили 99 центов за упаковку из восьми штук. В качестве гарнира к хот-догам мама делала макароны с сыром.

Наша бабушка по папиной линии помогала нам с одеждой. Она никогда не навещала нас, но одеждой помогала. К праздникам бабушка отправляла нам посылки, собранные в ее квартире на Лонг-Айленде, где, как говорил папа, на улицах стояли только красивые здания. В качестве коробок для посылок бабушка использовала большие картонки из-под бутылированной питьевой воды или туалетной бумаги, внутри которых таились сокровища. Под слоем газет в них лежала яркая детская одежда, кухонные принадлежности, чудесные, свежее испеченные печенья с грецким орехом в красивых жестяных коробках.

В посылки бабушка вкладывала вежливые письма, написанные аккуратным почерком, которые мама никогда не читала. Бабушка прикалывала письма к крышке коробки с нижней стороны. Иногда вместе с письмом мы находили новую хрустящую пятидолларовую купюру.

Мама выкидывала письма бабушки, а деньги хранила в красной коробочке в комод. Когда в коробочке накапливалось достаточное количество денег, она вела нас в *McDonald's* и покупала «хэппи-мил». Себе на эти деньги она покупала сигареты, пиво в темных бутылках и мюнстерский сыр.

Папу выпустили из тюрьмы, когда мне было три года. В нашей квартире зазвучал мужской голос, который я слушала с удивлением. Я помню, что мама была очень рада. Папа быстро двигался, поэтому мне было сложно рассмотреть его лицо.

«Я твой па-па», – четко повторял он, словно я могла что-то не понять и напутать в этом двусложном сообщении.

Я пряталась за мамиными ногами и тихо плакала. В ту ночь я спала не как обычно с мамой, а одна в своей кровати. Из-за двери в мамину спальню слышались возбужденные голоса родителей.

В течение нескольких месяцев после выхода папы из тюрьмы мама стала с меньшим рвением относиться к своим обязанностям по дому. Она перестала убираться и на несколько дней оставляла невымытой посуду в раковине. Она стала гораздо реже водить нас в парк. Долгими часами я сидела и ждала, пока мама обратит на меня внимание, и размышляла над тем, почему же теперь я ей не нужна. Я решила, что должна вернуть себе ее расположение.

Я поняла, что у мамы с папой есть общие привычки, которые они мне не объясняли. Они аккуратно и быстро раскладывали на кухонном столе ложки и другие предметы, словно готовились к какому-то таинственному ритуалу. Их слова были краткими, а общение быстрым. Обязательными составляющими их ритуала были небольшое количество воды из-под крана, ремни и жгуты. Стоя у двери на кухню, я внимательно наблюдала за движениями их рук, пытаюсь понять, чем они занимаются. Завершив приготовления, родители говорили мне, что их не надо беспокоить, и закрывали дверь кухни, оставляя меня в полном неведении по поводу того, что должно было произойти.

Однажды летним вечером я поставила свою детскую коляску (ту, которая, в конце концов, сломалась от моего веса) прямо перед закрытой дверью кухни. Я никуда не ушла, а решила подождать. Я наблюдала, как тараканы заползают в щель под кухонной дверью. С тех пор, как мама перестала регулярно убираться, тараканов у нас стало много. Время шло. Наконец дверь открылась, и мама вышла. Ее лицо было напряжено, а губы плотно сжаты. Я почувствовала, что она закончила свои дела.

Я подняла руки и сказала:

– Дело сделано!

Мои слова маму немного ошарашили. Она наклонилась ко мне и спросила:

– Что ты говоришь, дорогая?

– Дело сделано! – радостно повторила я, довольная тем, что она обратила на меня внимание.

Мама крикнула в сторону кухни:

– Питер, она все знает! Посмотри на нее, она уже все понимает!

Я была в восторге от того, что мне нашлась роль в игре родителей, и каждый раз, когда они закрывали за собой дверь кухни, я становилась напротив двери.

В конце концов они перестали закрывать дверь.

* * *

К тому времени, когда мне исполнилось пять лет, наша семья из четырех человек окончательно и бесповоротно превратилась в бесполезный балласт для американского общества, которое обязано было нас содержать. Первого числа каждого месяца маме приходил чек, и этого дня в нашей семье ждали, словно Нового года. С раннего утра атмосфера в доме была радостной. Воздух словно заряжался электричеством, и мы, дети, знали, что мама с папой будут в хорошем расположении духа, по крайней мере, в ближайшие сутки. И в этом смысле родители всегда оправдывали наши ожидания.

Правительство оказывало социальную помощь тем, кто по каким-либо причинам был не в состоянии работать. Правда, многие живущие на пособие соседи, которые с таким же нетерпением ждали приближения первого числа и синего конверта в почтовом ящике, внешне казались мне совершенно здоровыми. Мама получала пособие из-за заболевания глаз, которое было у нее с рождения. Я лично присутствовала на интервью, после которого социальные службы приняли решение, что мама имеет право на пособие.

Сотрудница социальной службы сказала матери, что ее собственное заболевание глаз настолько серьезно, что если бы она села за руль автомобиля, то «смела бы все живое на своем пути». Потом соцработница взяла маму за руку и поздравила с тем, что та имеет право на пособие, и похвалила, что может самостоятельно переходить улицу.

– Распишитесь. Ваш чек будет приходить по почте первого числа каждого месяца, – сказала она на прощание.

И чек действительно приходил. В нашей семье ничего не ждали с таким нетерпением, как этот чек. Появление почтальона влекло за собой череду событий, неизменно повторяв-

шихся из месяца в месяц. В эти дни я должна была извещать родителей о прибытии почтальона. Я сидела у окна и ждала нашего благодетеля.

«Лиззи, кричи, как только его увидишь. И всегда смотри налево, он приходит именно оттуда».

После того как я извещала родителей о появлении на горизонте почтальона, мама вынимала из комода свое удостоверение, брала чек из почтового ящика и как можно быстрее шла занимать очередь в пункт, где обналичивали социальные чеки. В ритуале, происходившем первого числа, я играла роль стоящего «на шухере» наблюдателя.

Я высовывалась из проржавевшей оконной рамы и вытягивала шею как можно дальше. Я ощущала огромную ответственность за поставленную передо мной задачу. Как только на горизонте появлялся почтальон в синей форме с тележкой (наш любимый Дед Мороз, который приходил двенадцать раз в год), я кричала родителям.

Мама обычно сидела в продавленном кресле и, нервничая, выдергивала из него кусочки набивки.

– Проклятье, он не торопится донести сюда свою задницу, – жаловалась она.

В это время папа ходил из угла в угол, в тысячный раз проговаривая план действий после обналичивания чека.

– Так вот, Джини, сперва мы покупаем немного «первого», потом оплачиваем счет за электричество. Потом берем двести грамм докторской колбасы для детей. И мне нужны деньги на жетоны для метро.

Увидев вдалеке почтальона, я оказывалась перед выбором. Я могла сообщить об этом сразу, а могла подождать несколько секунд, которые гарантировали полное внимание родителей к моей персоне. Мне было приятно, что родители думают обо мне, и казалось, что я для них что-то значу. Казалось, что моя жизнь для них важна точно так же, как и деньги, которые они ждали. Но, увидев почтальона, я никогда не могла сдержаться и сразу сообщала о его появлении. Мой крик: «Я вижу его! Идет!» означал, что в действие вступал план, разработанный родителями на день.

* * *

В месте, где обналичивали чеки, было все необходимое для привлечения внимания и взрослых и детей. Детям нравились автоматы, в которых за двадцать пять центов можно было купить маленькие игрушки в прозрачной пластиковой упаковке. Мои сверстники с нетерпением ждали монеток, которые родители давали им после обналичивания чека, и бежали к автомату, чтобы получить кольцо с пластиковым пауком, фигурку динозавра, которая в воде увеличивалась в размерах в десять раз, или переводные картинки-татуировки с изображениями супергероев и красных сердец.

Над окошком кассира под стеклом на общее обозрение были выставлены лотерейные билеты, манившие тех, кто страдал от игровой зависимости, и женщин, которые надеялись, что несколько долларов могут принести неожиданную удачу. Женщины, купившие лотерейные билеты, перед тем, как стереть монеткой защитный слой над заветными цифрами, часто набожно крестились. Для большинства людей все эти «прелести» были недоступны до тех пор, пока они не отойдут со своими деньгами от окошка кассира.

Главным образом в очереди стояли хмурые женщины с детьми, держа в руках счета, которые необходимо оплатить. Мужчины (если они вообще присутствовали) толклись поодаль, подпирая стены помещения. Те мужчины, которые приходили вместе со своими женщинами, держались в стороне и ждали того благодного момента, когда чек превратится в деньги. Многие из них приходили заранее, чтобы вытрясти деньги из своих жен или подруг. Женщины отдавали им часть полученных средств и перебивались тем, что оста-

валось. Я настолько привыкла ко всему происходящему, что практически не обращала внимания на окружавших меня людей.

Лиза стояла около автоматов с детскими игрушками. Я держалась поближе к родителям, которые отличались от большинства присутствующих тем, что действовали слаженно и сообща. Родители были объединены общей целью, осуществить которую помогал мамин чек. Они предвкушали, и я купалась в волнах их радости.

Мне очень нравились минуты, которые я проводила в очереди вместе с мамой, – потому что тогда я могла быть ей полезной. Это был мой звездный час, то время, когда я была маме нужна.

«Впереди нас еще восемь человек, мам. Уже семь. Не переживай, кассир быстро работает и скоро всех обслужит».

Мама улыбается, и я знаю, что она мне благодарна. Пока я объявляю количество людей перед нами, ее внимание будет сконцентрировано на мне. Я бы вообще поменяла остаток дня на то, чтобы перед нами в очереди было на десять человек больше, потому что все это время мама гарантированно будет со мной. Мама слишком часто бросает меня и идет заниматься своими делами.

Однажды мы всей семьей пришли в театр *Loews Paradise* на улице Гранд-Конкорс, чтобы по уцененным билетам посмотреть «Алису в стране чудес». По пути в театр папа объяснял нам, что улица Конкорс когда-то была роскошным районом, в котором жили только богатые люди. Но это было раньше, потому что теперь вокруг нас были грязные кирпичные дома, кое-где украшенные кариатидами и облупившимися ангелочками, которые иногда обрамляют подъезды зданий. Наконец мы заняли свои места в пустом зрительном зале театра.

Мама не высидела с нами до конца спектакля. Она очень старалась, но три раза вышла «покурить», а когда вышла в четвертый раз, уже больше не вернулась. Когда вечером мы пришли с папой домой, в квартире играла грустная музыка. Мама глубоко затягивалась сигаретой и рассматривала свое худое голое тело в большом зеркале.

«Где были, ребята?» – спросила она абсолютно естественным тоном, и мне показалось, что мне приснилось, будто она ходила с нами в театр.

Но в очереди к кассиру для обналичивания чека мама никуда не могла убежать. Она могла ерзать и нервничать сколько угодно, но никуда не могла уйти без денег. В эти минуты я брала ее за руку и задавала вопросы о том, какой она была в детстве.

«Не знаю, Лиззи. Я была непослушным и плохим ребенком. Я воровала и прогуливала школу. Сколько еще людей перед нами, дорогая?»

Каждый раз, когда я оборачивалась к ней лицом, мама просила меня смотреть на кассира и считать, сколько человек осталось перед нами в очереди. Разговаривать с ней было непросто, потому что надо было следить за очередью и выуживать из нее ответы на мои вопросы. Я всегда уверяла ее, что мы уже почти у цели, хотя мне хотелось, чтобы нам пришлось ждать как можно дольше.

«Не знаю, Лиззи. Ты лучше, чем я была в твоем возрасте. Ты не плакала, когда была маленькой. Ты иногда издавала звуки, словно кашляешь: кхе, кхе. Ты очень мило и вежливо кашляла. Вот Лиза была просто сумасшедшей, она рвала мои журналы, била посуду, постоянно кричала. Но ты – никогда. Я, честно говоря, думала, что ты отстаешь в развитии или просто чокнутая, но врачи утверждали, что у тебя с головой все в порядке. Ты была хорошим и послушным ребенком. Так сколько людей перед нами, дорогуша?»

Я всегда задавала ей эти вопросы, даже зная, что она будет говорить мне одно и то же.
– А каким было первое слово, которое я произнесла?

– «Мама». Ты дала мне бутылочку и сказала: «Мама». Словно хотела, чтобы я бутылочку наполнила. С ума сойти.

- А сколько мне тогда было лет?
- Десять месяцев.
- А как долго мы живем в нашей квартире?
- Несколько лет.
- А сколько?
- Лиззи, двигайся. Скоро моя очередь.

* * *

В квартире мы расходились по разным комнатам. Мы, дети, сидели в гостиной, а мама с папой – на кухне. В отличие от всех остальных дней месяца, первого числа еды у нас было в достатке. Мы с сестрой ели «хэппи-мил» и смотрели черно-белый телевизор. Мама с папой суетились на кухне: позвякивали ложками, придвигали стулья, после чего наступала тишина. Мама плохо видела, поэтому искать и прокалывать ее вену приходилось папе.

После этого все мы вместе проводили остаток этого лучшего дня месяца. Мы сидели и лежали перед телевизором в гостиной. На улице периодически слышались сигналы автобуса, который развозил по району мороженое, а дети играли в салки.

Мы были вместе. Мои пальцы пахли маслом, на котором в *McDonald's* жарят картошку, Лиза ела чизбургер, а мама с папой пребывали в блаженном отрубе.

* * *

– Лиззи, видишь щель между подушками дивана? Приложи к ней ухо, прислушайся и ты услышишь шум океана.

– Правда?

– Конечно. Не заставляй меня повторять тебе дважды, ты ведь знаешь, что я это не люблю. Сама решай: хочешь услышать прибор океана или нет.

– Хочу, хочу!

– Тогда прислони ухо между подушками и слушай.

– О'кей.

Когда я была совсем маленькой, моя старшая сестра Лиза была для меня непререкаемым авторитетом. Она обладала завидными талантами. Например, она умела заплетать волосы в косы, громко щелкать пальцами и насвистывать популярную мелодию из мюзикла «Очарованный». Она казалась мне настоящей королевой, хорошо осведомленной в самых разных важных вопросах. Все, что исходило из ее уст, я воспринимала как единственное объяснение мира. Даже если я была с ней в чем-то несогласна, то думала, что она более опытная и имеет доступ к секретным знаниям, наподобие того, как учительница арифметики знала и понимала свой предмет. Я свято верила всему, что говорила старшая сестра, которая этим пользовалась и часто довольно подло шутила надо мной.

– Хорошо, а теперь накрой голову подушкой от дивана.

– Зачем?

– Не зли меня. Ты хочешь услышать звук океана или нет?

Конечно, я хотела услышать звук океана. Я знала, что звуки прибора таятся в морских раковинах, которые мы привозили из поездок с мамой на Очард-бич, с пляжа, который на самом деле был расположен очень далеко от океана. Так почему же нельзя услышать звук прибора в щели между двумя подушками дивана? Откуда я могла знать, что Лиза собирается сделать после того, как я накрою голову подушкой? Как я могла догадаться, что она сядет мне на голову и громко пукнет прямо в лицо?

– Вот тебе, Лиззи, звук океана! Чувствуешь морскую прохладу и брызги прибоя? – смеялась сестра в то время, как я пыталась из-под нее выбраться.

На Хэллоуин Лиза вместе со своей подругой Дженесой «попробовали для моей безопасности» все конфеты, которые я собрала за вечер у соседей, оставив мне только самые невкусные леденцы, полученные от нищей старушки. Пока подруги «проверяли» мои конфеты, я прятала в кулачке пластинку жевательной резинки и думала, что их обманула.

Несмотря на это определенные плюсы от того, что у меня была старшая сестра, все-таки были. Благодаря Лизе я кое-чему научилась. Я видела, как она «разруливает» те или иные домашние ситуации, и получала бесценный опыт, которым пользовалась.

Я наблюдала поведение Лизы с родителями и училась на ее ошибках. По крайней мере, сестра помогала мне понять, *что* не стоит говорить родителям и как не надо с ними себя вести. С ее помощью я могла добиваться родительского одобрения и внимания, что для детей в нашей семье было совсем не простой задачей.

В те времена суббота была специальным днем, когда жители Манхэттена могли выбрасывать на помойку мебель и крупногабаритные предметы. Наличие такого дня и относительная близость к центру давали папе основания утверждать, что «наша жизнь прекрасна». Жители центра города выбрасывали на помойку вещи, которые были практически новыми. Оказавшись у мусорного контейнера, надо было просто внимательно смотреть, что в нем находится, и выбирать нужные вещи.

У папы на примете было несколько «богатых» помоек, которые он регулярно посещал. Часть своей добычи он отдавал мне. В моей комнате уже стояло несколько игрушечных солдатиков, краска на которых кое-где облупилась. Папа подарил мне старые наручники, которые я прикрепляла вместе с игрушечным пистолетом к ремню и изображала полицейского. Кроме этого в моей коллекции был найденный отцом набор маленьких мячиков в кожаном мешке, которыми можно играть в вышибалы.

Возвратившись с помойки, папа приносил добычу и рассказывал, как и где он добыл все это богатство. Он говорил, как спокойно рылся в мусоре, а прохожие разевали рты от изумления, когда он находил дорогие и абсолютно функциональные вещи. В этих историях папа всегда выступал героем, недооцененным людьми, которым приходится менять свое мнение после папиных подвигов.

Иногда я обходила помойки вместе с ним. Я чувствовала себя довольно странно, когда папа, не обращая ни на кого внимания, деловито рылся в помойке, а рядом проходили незнакомые люди. Я старалась представить, как они видят моего отца, одетого в грязную фланелевую рубашку, аккуратно заправленную в замызганные джинсы, который что-то бормочет себе под нос, изучая содержимое контейнера. Какое впечатление должен был производить этот человек с темными волосами, красивым и суровым лицом, стоящий тут с маленькой дочкой? Что думали о нем люди, которые стороной обходили помойку с ее неприятным запахом? Мне было очень неудобно, и казалось, что я голая.

Папа заметил мою реакцию и спросил:

– Лиззи, тебе что, стыдно?

Он выпрямился над кучей мусора и снял с головы бейсболку.

– Какая разница, что они о нас думают! – Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза и наклонился поближе. – Если ты видишь что-то хорошее – бери, и пусть они все, что думают, себе в задницу засунут. То, что они думают, это их собственные проблемы, а не твои.

Я почувствовала гордость от того, что папа делится со мной такими важными жизненными секретами. Ага, значит, не надо обращать внимания на то, что люди о тебе думают. Я хотела принять папину жизненную позицию, но понимала, что не могу сделать это прямо сейчас, и мне предстоит над этим поработать. Иногда у меня даже получалось: когда я соби-

рала всю силу воли, мне удавалось пренебрежительно улыбаться прохожим, которые пялились на нас с папой. В эти моменты я повторяла про себя папины слова: «Это их собственные проблемы, а не мои».

Папа искренне считал поиски «сокровищ» на помойке благородным занятием и испытывал определенную гордость за то, что делает. Он много раз рассказывал историю, как нашел практически новый электросинтезатор в тот момент, когда какой-то прохожий назвал его «собирателем падали». Увидев синтезатор, прохожий спросил, собирается ли папа взять его себе или оставить. Папа с особенным удовольствием любил повторять ответ, которым он наградил прохожего: «Размечтался, парниша».

«Они потеряли, мы приобрели», – говорил папа, когда выдавал мне найденные на помойке почти новые игрушки или дарил маме блузку с разошедшимся швом, который можно было легко зашить.

Вернувшись с «охоты за сокровищами», папа садился на кровать и, напевая какую-то старую песню, слова которой было совершенно невозможно разобрать, начинал медленно открывать сумку с добычей. Мы окружали его и с нетерпением ждали, что он нам покажет. В этот момент папу нельзя было отвлекать, потому что он не любил, когда прерывают последовательность его действий. Если его перебивали, он терял логическую нить, и ему приходилось начинать все сначала, отчего он очень злился. Мама называла эту папину привычку маниакальной.

Мы с Лизой сгорали от нетерпения.

– Что ты принес? Скажи, что? – спрашивала Лиза.

– Папа, пожалуйста, скажи, – поддакивала я.

– Ребята, не торопитесь.

Папа не мог расстегнуть молнию сумки. Молнию не заело, просто папа расстегивал ее как-то по-своему. Он продолжал напевать и медленно ковыряться с молнией.

– Дааа-да-дум, дорогая, ты моя единственная, – напевал он.

Мама только что проснулась. Она смотрела на нас и молчала.

Наконец папа извлек на свет божий игрушечный фен для волос из яркого розового пластика и передал его Лизе. В пазы и пластиковые швы игрушки забились грязь и пыль. Вместо кнопок на фене были наклейки с надписями «high» и «medium». Наклейки для самого слабого режима «low» не было.

Лиза закатила глаза и с иронией произнесла:

– Спасибо, папочка.

– Я был уверен, что тебе понравится, – ответил отец, роясь в сумке в поисках того, что принес для меня.

– Мы уже можем пообедать? – спросила Лиза.

– Через минуту, – ответила мама и подняла вверх палец, чтобы показать, что папа еще не закончил.

Наконец папа вынул из сумки сине-белый грузовик с зеркальными окнами на огромных шинах. Грязь забила во все щели машины, от чего ее белые части стали серого цвета, словно эта игрушка проехала много километров.

Даже до того, как папа вынул и показал мне «подарок», я знала, как должна себя вести. Мое поведение с родителями и реакция на их действия были продуманными, и я всегда тщательно подбирала слова, которые им говорила. Я ничего не пускала на самотек и не полагалась на волю случая. Я действовала так, чтобы обратить на себя их внимание. В данном случае папа дарил мне игрушку для мальчика, и я точно знала, как надо реагировать на такой подарок. Я прекрасно помнила многочисленные комментарии отца о «девчачьих» вещах и женском поведении.

Мама часто смотрела женские ток-шоу, на которых обсуждались вопросы «лишнего веса» и того, как «надо вести себя с мужем, не давая ему садиться на шею». Во время этих ток-шоу папа часто вставал, начинал ходить по комнате из угла в угол и изображать женское «нытье».

«О, мир так несправедлив ко всем женщинам! Давайте все друг другу пожалуемся! Ой, как все плохо!»

Папа отрицательно относился к привычке Лизы рассматривать свое лицо. Лизе нравилось сидеть перед зеркалом, внимательно изучать отражение, гримасничать, надувать губы, «строить глазки» и так далее. Она могла битый час провести за этим занятием.

Папа реагировал на это следующим образом: он закатывал глаза, поднимал подбородок, растопыривал пальцы и прислонял их к затылку, чтобы показать, будто у него на голове корона. В такие моменты папа начинал говорить высоким и писклявым голосом, который, как я поняла, ассоциировал со всем женским:

«Ну, посмотрите на меня, пожалуйста! Не хотите смотреть? Ну, тогда я сама буду собой любоваться!»

После этого папа начинал громко хохотать над собственными шутками, отчего Лиза съезживалась и уходила от зеркала.

«Козел», – тихо сказала она однажды в ответ на издевки папы.

Еще в самом раннем возрасте я решила, что буду смеяться над всем «девчачьим», чтобы угодить папе; я постараюсь, чтобы он позабыл, что я девочка. Я никогда не говорила высоким голосом. Платья для папы были «полной ерундой», следовательно, и меня эта одежда не интересовала. Я поняла, что моя тактика сработала, когда папа начал приносить мне игрушки для мальчиков. Передавая их мне, он смотрел на меня долго и с улыбкой, как никогда не смотрел на старшую сестру.

Я резко выхватила машину (которая мне действительно понравилась) у него из рук и громко воскликнула:

– Вау! Спасибо, папа!

Я начала возить грузовик по столу и издавать урчащие звуки мотора.

Папа улыбнулся и снова засунул руку в сумку. Он повернулся к маме и сказал:

– И, наконец, самое интересное.

Мама смотрела на него выжидательно. Она направила на нас вентилятор, но прохладнее из-за этого не стало, потому что вентилятор продолжал гонять горячий и влажный воздух.

«Наверняка, это что-то очень любопытное», – подумала я, глядя, как папа разворачивает газеты, в которые был аккуратно завернут последний предмет.

– Смотрите, – гордо произнес он, держа на вытянутых пальцах коробочку для украшений из толстого стекла, как официант, который подает к столу изысканное и дорогое блюдо.

Мама издала длинный вздох восхищения и взяла коробочку в руки. До этого она не проявляла никаких чувств, но теперь ее реакция подсказала мне, что маме коробочка очень понравилась. Правда, я не знала, что она в ней будет хранить, потому что драгоценностей у нее не было, но это уже совсем другой вопрос. Мама рассматривала коробочку, а папа рассказывал:

– Ты бы видела, какое выражение лица было у женщины, которая смотрела, как я роюсь на той помойке. Но ты прекрасно знаешь, как я реагирую на подобное поведение. – Он поднял правую руку с вытянутым средним пальцем: – Да пошла ты! Не лезь не в свое дело.

Внутри стеклянная коробочка оказалась неглубокой. Крышка ее была сделана из толстого серебра со сложными узорами на внешней стороне. В углу крышки красовалась серебряная роза. Если повернуть розу, то коробочка начинала издавать мелодию, а роза медленно

крутилась, словно балерина. В общем, коробочка была изумительно прекрасной. Я тут же захотела, чтобы папа подарил ее мне.

– Папа, можешь мне ее подарить? – опередила меня Лиза. Папа молчал.

– Такая хорошая вещь. Зачем ее выбрасывать? – спросила мама.

– Не знаю. Я нашел ее на помойке под домами с лифтами на Астор-плейс, – ответил папа, резкими и быстрыми движениями развязывая шнурки. Обычно он завязывал шнурки на двойной или даже тройной узел.

– Хорошо, мы можем наконец-то поесть? – спросила Лиза.

Я была рада, что она подняла этот вопрос, потому что в животе у меня бурчало от голода, но сама я не осмеливалась напомнить о еде. Мы с утра ничего не ели. На завтрак у нас были куски хлеба с майонезом. Мы часто ели на завтрак хлеб с майонезом и яйцами. Мы с Лизой дружно ненавидели и то и другое, но, по крайней мере, такая однообразная диета не давала нам помереть от голода. Запивали мы все это обычной водой. Прошло пять дней после получения маминого чека, денег уже не было, да и большая часть еды из холодильника тоже исчезла. Я была очень голодна.

– Подождите, – сказал папа. – Мне тут с одним вопросом нужно разобраться.

Лиза села смотреть телевизор, а мама с папой ушли в спальню. Я наблюдала за тем, чем они занимаются, из своей комнаты.

Мама что-то искала среди пластинок в кладовке. Поскольку в доме был папа, она вряд ли поставила бы пластинку Джуди Коллинс³. Мама была в хорошем настроении, поэтому искала, наверное, что-нибудь полегче. Потом мама с папой начали слаженно работать, занимаясь чем-то мне еще не известным.

Папа сидел на краю кровати и просеивал пальцами какое-то вещество, похожее на грязь. Потом он взял со скрипучей тумбочки у кровати журнал *New Yorker*, положил его на колени и взял в руки бумагу для самокруток. На журнале он скрутил самокрутку, проведя языком по полоске клея на бумаге, потом забил ее непонятным веществом. Мама несколько раз щелкнула зажигалкой и зажгла самокрутку. Она три раза глубоко затянулась, после чего передала ее папе. Я никогда раньше не видела, чтобы папа курил.

– Вы чем там занимаетесь? – не удержалась я. Я стала спрашивать их, почему они не курят уже свернутые сигареты, которые мама хранит в комод, и почему эта сигарета не пахнет табаком.

Родители нервно рассмеялись.

– Лиз, ладно, довольно вопросов, – сказал папа, захихикал и снова передал сигарету маме. Мне показалось, что я веду себя наивно, и я покраснела. – Довольно вопросов, – повторил папа.

Я почувствовала странный запах дыма и закрыла нос воротом рубашки, чтобы им не дышать. Мои родители уже были в своем, далеком от меня мире, в который мне не было доступа. Я начала глазами искать глаза матери в надежде на то, что она расскажет мне секрет, но мама избегала моего взгляда. Журнал *New Yorker* со странным веществом лежал на кровати.

– Мы будем есть или нет? – с раздражением выкрикнула моя старшая сестра в тот момент, когда на экране появились титры после кинофильма.

– Сейчас, дорогая, – ответила мама и неуверенно двинулась на кухню. Она делала большие шаги, словно космонавт на поверхности Луны. Никто, кроме меня, не заметил ее странной походки и поведения.

Конфликт начался сразу после того, как мама поставила перед нами тарелки с едой.

---

³ Американская фолк- и поп-певица, популярная в конце 1960#х – начале 1970#х годов.

– Я больше не могу есть яйца, – пожаловалась Лиза. – Я хочу курицу.

– У нас нет курицы, – спокойно ответила мама и вернулась в комнату к папе, чтобы затащить странной сигаретой.

– Я хочу настоящей еды. Меня тошнит от яиц, мы их каждый день едим. Одни яйца и сосиски. Я хочу курицу.

Папа в спальне согнулся от смеха, а потом произнес:

– Представь, что яйцо – это маленькая курица.

– Да пошел ты! – огрызнулась Лиза.

– На самом деле вкусно, – примирительным тоном сказала я.

– Не ври. Я знаю, что ты это не любишь точно так же, как и я, – прошипела Лиза.

Она не поддерживала мою соглашательскую политику, направленную на примирение всех членов семьи. Лиза считала, что на родителей надо давить и требовать то, что ты хочешь.

Я показала ей язык и начала густо поливать свою яичницу кетчупом, чтобы забить вкус яиц. Лиза была совершенно права, и я действительно ненавидела яйца. По телевизору показывали, как Дональд Трамп «ручается» с каким-то начальником из мэрии. Я начала есть быстрее, стараясь чаще глотать, чтобы поскорее закончить эту муку. Я катала игрушечную машину вокруг тарелки и «озвучивала» движение рокотом воображаемого мотора, отчего кусочки яичницы изо рта летели в Лизу и оказывались вокруг меня на столе.

Лиза продолжала препираться с мамой, но я знала, что мать не переспорить. Если в доме не было никакой другой еды, кроме яиц, то надо есть яйца. Я прекрасно понимала и соглашалась с этой логикой. Если бы Лиза помолчала, мы бы спокойно могли есть и не спорить. Но с другой стороны, я была рада тому, что Лиза собачится с родителями, потому что на ее фоне я выглядела паинькой. Я хотела стать хорошей и послушной дочерью, которая не любит себя в зеркало, любит играть в машинки и без пререканий ест яичницу.

Но Лиза не сдавалась. Когда она окончательно и бесповоротно поняла, что курицы ей не предложат, она заорала: «Я вас ненавижу!» – но к тому времени в спальне стоял коромыслом дым, слышалась гитарная музыка с мужским вокалом, и никто из родителей ничего ей не ответил.

Лиза считала, что достойна лучшей участи. Если бы меня спросили – почему, я бы ответила, что это наверняка связано с событиями, которые произошли за год до моего рождения.

Когда мама была мной беременна, у нее произошел нервный срыв. Папа тогда сидел в тюрьме, и маме было сложно заботиться о маленькой Лизе, поэтому мою старшую сестру передали на восемь месяцев на воспитание в приемную семью.

Лиза попала в богатую бездетную семью, в которой о ней очень заботились. Ей было там так хорошо, что, когда мама пришла ее забирать, Лиза заперлась в кладовке и отказалась выходить. Маме пришлось силой вытянуть плачущую Лизу из ее укрытия и притащить в квартиру на Университи-авеню. Кажется, что Лиза так и не смирилась со своей участью, и ей очень сложно угодить. Судя по всему, у нее выработалось ощущение, что ее обделяют и ей все должны. Каждый раз, когда она получала меньше, чем рассчитывала, она топала ногами и громко негодовала. А она практически всегда считала, что получает меньше, чем ей положено.

Лиза в очередной раз прокричала: «Я вас ненавижу», сложила на груди руки и уставилась в экран телевизора.

– И вообще, я совсем не бедная. Мой папа – Дональд Трамп! – громко заявила она.

– Ну, тогда проси курицу у папы Трампа, – сострил папа.

Мама начала хохотать, а сам папа бил себя по колену от смеха.

Резким движением Лиза своей тарелкой толкнула мою так сильно, что кусочки яичницы разлетелись по всему столу. Она встала и демонстративно проследовала в комнату, с грохотом хлопнув дверью. Этот звук потонул в завываниях хрипящих колонок. Мама с папой переместились в гостиную и растянулись на подушках, как червяки, у которых полностью отсутствуют кости.

– А я, между прочим, все яйца съела, – гордо заявила я, но меня никто не услышал.

* * *

Моя бабушка по материнской линии жила в районе Ривердейл напротив парка Ван-Кортландт, в доме, выстроенном в 1960#х годах. Бабушка курила, молилась и ежедневно звонила нам из телефонного автомата. Контакт с бабушкой был единственной семейной связью, которой бог нас благословил.

Папина мама, как я уже писала, время от времени отправляла нам посылки с Лонг-Айленда. Но из-за того, что отец был наркоманом, все остальные члены его благополучной семьи обходили его стороной. За всю мою жизнь ни одни папины родственники ни разу не навестили нас в Бронксе.

Несмотря на то что мама в тринадцать лет ушла из дома, они со своей матерью потом помирились. После того как мы с Лизой появились на свет, бабушка приезжала в гости регулярно, каждую субботу. Она покупала с пятидесятипроцентной скидкой по карточке пенсионера билет на автобус и прибывала к нам на Университи-авеню.

Перед прибытием бабушки мама начинала судорожно убираться в квартире. Она заправляла простыни под матрасы, ставила немытую посуду в раковину под поток горячей воды из крана, заметала пыль под кровать и распыляла освежитель для воздуха прямо над нашими головами.

Во время уборки перед визитом бабушки Лиза сидела у телевизора и смотрела музыкальную передачу *Video Music Box*, периодически говоря, что мама не стеклянная и ей ничего не видно. Передача шла по каналу, который у нас ловился плохо, поэтому картинка была очень зернистой.

Бабушка приезжала в двенадцать часов дня, и мама всегда начинала уборку прямо перед ее приездом. Однажды бабушка посетила нас в жаркий летний день. Она вошла в дверь в тот самый момент, когда капли только что распыленного освежителя начали конденсироваться из воздуха и появляться у меня на лбу. Бабушка была одета не по погоде слишком тепло и тяжело дышала после того, как поднялась по лестнице на второй этаж.

Я обняла ее и почувствовала резкий запах сигаретного дыма, исходивший от ее свитера. Ее седые волосы были аккуратно уложены в пучок. Зеленые глаза были ясными, а кожа – морщинистой со старческими пятнами. Лиза даже не отвела глаза от телеэкрана, и бабушке пришлось наклониться, чтобы ее обнять. Я обхватила бабушку за талию и спросила, как прошла поездка на автобусе. Бабушка на все вопросы всегда отвечала кратко и с улыбкой.

«Все было просто замечательно, моя дорогая. Благодарю Господа за то, что он мне позволил еще раз увидеть моих прекрасных девочек», – ответила она.

Бабушка была очень религиозным человеком. В своей кожаной дамской сумочке, которую она ни на секунду не оставляла и даже ходила с ней в туалет (эту привычку она объясняла тем, что дома у нее столько «ужасных прощелыг»), у нее лежала Библия короля Якова⁴, две пачки сигарет, чай в пакетиках и заколки для волос.

---

⁴ Перевод Библии на английский, выполненный под патронажем короля Англии Якова I и выпущенный в 1611 году.

Обычно никто, кроме меня, не стремился поддержать с бабушкой разговор. Мама утверждала, что бабушка настолько одинока, что готова заболтать любого человека, согласившегося ее слушать, и больше всего ее интересуют религиозные темы. Мама говорила мне, что я рано или поздно, как и все остальные, потеряю интерес и перестану общаться с бабушкой. Потом мама заявила, что у бабушки с головой не все в порядке:

«У нее не все дома. Я думаю, она страдает, что в свое время не смогла мне помочь. Лиззи, ты потом поймешь, что я имею в виду».

Но тогда я не могла понять. Бабушка была совершенно другой, чем остальные взрослые. Она отвечала на все мои многочисленные вопросы. Я интересовалось всем – начиная с того, из чего состоит радуга, кончая тем, кто из нас с Лизой больше похож на маму в детском возрасте. Бабушка спокойно отвечала на все вопросы и убеждала меня, что все на земле происходит по воле Господа. Мама смотрела на нас и говорила, что наша дружба родилась на небесах.

Бабушка обычно располагалась на кухне, где разливала чай и щедро делилась рассказами из Библии. Мне нравился бабушкин чай с двумя кусочками сахара и молоком, который я пила в дыму маминых и бабушкиных сигарет. Я сидела, поджав колени к подбородку, потягивала сладкий чай и слушала рассказы о том, что грехи не дадут человеку попасть в рай.

«Не ругайся, Лиззи. Бог не любит, когда сквернословят. Помогай своей матери и убирайся дома. Бог все видит, слышит и никогда ничего не забывает. Он знает, когда ты плохо поступаешь. Поверь мне, дорогая, очень много грешников не сможет войти во врата рая и жить в вечной любви. Будь осторожна, наш Господь Бог всемогущ».

Кроме религиозной темы бабушка была готова обсуждать всего лишь один вопрос – кем я хочу быть, когда вырасту.

«Я хочу быть комиком и читать со сцены шутки», – заявила я, вспомнив, как смотрела по телевизору передачи, в которых одетые в костюмы мужчины нервно рассказывали анекдоты невидимой публике, и их уверенность постепенно возрастала с каждым взрывом смеха. Мне казалось, что бабушка одобрит мою идею. Вместо этого она озабоченно посмотрела на меня и поставила стакан, чтобы поднять палец к небу.

«О боже! Лиззи, ни в коем случае не делай этого. Никто смеяться не будет, поверь мне. Дорогуша, тебе надо стать служанкой с проживанием. Я начала работать служанкой, когда мне было шестнадцать лет. Это прекрасно – ты живешь в чудесной семье, занимаешься их детьми, ешь бесплатно и вообще зарабатываешь на жизнь так, как богу угодно. Вот это вот замечательно! Стань служанкой с проживанием. И кроме всего прочего, это отличная подготовка к замужеству, поверь мне».

Мне было сложно понять, о чем вообще говорила бабушка. Я быстро представила себе жену и мужа, сидящих за квадратным столом в большом доме. У них есть младенец, здоровый орущий крепыш. Я должна обслуживать эту пару, лица которой словно в тумане, и этого младенца. Бабушка улыбнулась, словно хотела меня подбодрить. Ее видение моего будущего настолько меня разочаровало, что я решила: вслух я буду со всем соглашаться, но в душе о моих собственных желаниях никогда не забуду. Я улыбнулась и кивнула, делая вид, что всем довольна. Потом я быстро сказала, что мне надо взять кое-что из гостиной, и перешла к Лизе на диван.

Но бабушке не была нужна ни я, ни кто-то другой. Она не испытывала острой необходимости иметь собеседника для поддержания разговора. Если бабушка оставалась на кухне одна слишком долго, то она становилась на колени и продолжала вести разговор лично с богом. Лиза немного убрала звук телевизора, и мы услышали, что бабушка на кухне страстно читает «*Ave Maria*», клацает четками и доходит до состояния, когда ритма становится больше, чем слов. Это означало, что она вышла на «прямой контакт».

Лиза совсем выключила телевизор, когда молитвы стали громче. Меня испугал голос бабушки и как она просила знамения свыше о том, что ей делать, – словно она с богом по телефону говорила. В таком состоянии транса бабушка могла находиться часами. Она не двигалась и не открывала глаз, а на столе стыл чай с молоком в стеклянной кружке. На кухню во время бабушкиных трансов выходить было запрещено.

– Лиза, я хочу послушать.

Мне казалось, что бабушка «достучалась» до небес и, выслушав ее слова, я могу узнать совет бога. Лиза только скривилась в презрительной улыбке.

– Ты такая глупая, – ответила она. – Бабушка просто сумасшедшая. Это она верит, что слышит голоса. Она не говорит с богом, она – ку-ку.

Много раз мама рассказывала нам, каким ужасным было ее детство из-за психической болезни бабушки. Мама училась в школе, расположенной достаточно далеко, и должна была возвращаться домой всего через несколько минут после окончания уроков. Если она опаздывала хотя бы на пару минут, бабушка ее жестоко била.

Бабушка била ей всем, что под руку попадет: электрическими проводами, туфлями и так далее. В результате тело мамы от попы до колен представляло сплошной синяк. Бабушка ночью будила маму, ее сестру Лори и брата Джонни, давала детям в руки кастрюли и ложки и приказывала громко стучать и выкрикивать придуманную бабушкой фразу: «Итс-а#битс-пара-китус, итс-а#битс-пара-китус». Таким образом бабушка пыталась заглушить голоса в собственной голове.

Отчасти именно поэтому мама и ушла из дома. Она говорила, что любит слушать грустный блюз и фолк, которые напоминают ей то, что пришлось пережить в детстве.

«Все это сильно изменило мою жизнь, – объясняла мама. – Кем я могла после всего этого стать – мисс Америка?»

Потом бабушка находилась на сильнодействующих медицинских препаратах, которые – вместе с разговорами с богом – помогли ей немного успокоиться. Без таблеток и бога в ней очень быстро просыпалось что-то дьявольское.

«Но ты должна понимать, что она в этом не виновата, – убеждала меня мама, и я понимала, что она на самом деле очень любила бабушку. – Это наследственное. Такая же болезнь была и у твоей прабабушки. Раньше у меня самой бывали такие приступы, но не сильные. Я лечилась, и все прошло. А вот бабушка так до конца и не вылечилась. Она одной ногой находится совершенно в другом мире и ничего не может с этим поделать».

После того как папа однажды увидел, что у мамы галлюцинации и она слышит голоса, ее на три с половиной месяца положили в больницу Норд-Централ в Бронксе. До моего рождения маму лечили разными лекарствами, потом стали давать психотропные препараты, применяющиеся в том числе при шизофрении. Папа утверждал, что у мамы больше не будет приступов, ведь последний был уже очень давно. Я надеялась, что мама не заболеет, потому что мысль о ее болезни меня сильно пугала.

На кухне бабушка громко смеялась над шуткой, понятной только ей одной.

– Вот и понеслось, – сказала Лиза и покрутила пальцем у виска. До описываемых событий я не считала странные разговоры бабушки признаком сумасшествия и покраснела.

– Да я понимаю, что она не говорит с богом, – ответила я. – Ты что, считаешь, что я сумасшедшая?

* * *

Летом мы ходили в места, где можно было бесплатно поесть, например в школы, в которых давали бесплатные обеды. Нам с Лизой приходилось уговаривать маму встать с кровати, одеть нас, одеться самой и не опоздать к началу школьного обеда. Правда, мы очень редко

приходили вовремя. Мама всегда тянула до последней минуты, а потом вскакивала и начала суетиться.

– Сидите и не двигайтесь! – кричала мама. – Если вы будете ворочаться, мы точно опоздаем.

Мама расчесывала мне волосы гребнем, отчего моя голова дергалась из стороны в сторону, и мне казалось, что она вырвет клочок волос.

– Больно, мама!

– У нас всего пятнадцать минут, Лиззи. Нам надо идти. Я расчесываю так нежно, как могу. Если ты перестанешь дергаться, тебе не будет больно, – говорила мама.

Я прекрасно понимала, что все это совсем не так. Лиза показывала мне язык. Она уже была готова, потому что ее волосы были мягче и их легче было причесать. От злости у меня горели щеки. Я твердо держала голову, когда гребень с мелкими зубчиками застрял в огромном колтуне. Мама с силой дернула, выдернув пучок волос, словно высохшую траву. Я зажмурила глаза, на которых мгновенно выступили слезы, и изо всех сил вцепилась в матрас.

– Ну, вот видишь, как все отлично расчесывается, когда ты сидишь смиренно.

После этого я до вечера терла рукой место на голове, откуда она вырвала клочок волос.

Мы опаздывали и рисковали прийти, когда еда уже остынет. Мы опаздывали третий раз за эту неделю. Могло быть еще хуже – если бы мы пришли тогда, когда еды вообще не осталось. Это было очень плохо, потому что до следующего чека оставалось еще долго и еды дома не было никакой, и бесплатный обед стал единственной возможностью один раз за день нормально поесть.

Стоял июль. Несусветная жара выгнала обитателей нашего района из квартир без кондиционеров на изрытый трещинами тротуар.

Я приветливо помахала рукой старушкам, которые устроились в шезлонгах на лужайке с выжженной травой. Каждая из старушек вынесла с собой радиоприемник. Они слушали радио и обменивались сплетнями и новостями.

– Привет, Мэри. – Я помахала рукой женщине, которая иногда давала мне пять центов на конфеты, когда мы встречались на лестнице нашего дома.

– Доброе утро, детки, доброе утро, Джини, – ответила та.

На углу около магазина пожилые пуэрториканцы, сидя на прогнивших ящиках, играли в домино. Мама называла их «грязными стариками» и говорила, чтобы я на них никогда не смотрела и близко не подходила, потому что у них грязные мысли и если им дать возможность, они готовы сделать самые грязные вещи. Проходя мимо пуэрториканцев, я смотрела на носки своих туфель, чтобы показать маме, какая я послушная. Пуэрториканцы кричали маме вслед слова, которые я не понимала: «Venga aquí, blanquita»⁵. Они свистели и причмокивали, а их губы блестели от пива.

Потом мы прошли мимо нескольких маминых приятельниц, которые внимательно следили за своими играющими детьми. Связки ключей женщин были украшены брелоками с флагами Пуэрто-Рико и фигурками лягушек коки⁶ в соломенных шляпах. Женщины поднимали вверх связки ключей и позвякивали ими, чтобы привлечь внимание детей. Малыши играли вокруг гидрантов, а ребята постарше тусовались около уличных перекрестков.

На перекрестке Университи-авеню и 188#й улицы громко звучала сальса. Мама щурилась от солнца, и мы с Лизой помогли ей перейти улицу.

– Мама, осталось четыре улицы. Держись.

---

⁵ Иди сюда, белая! (*исп.*).

⁶ Вид листовых лягушек. Родина вида – Пуэрто-Рико, поэтому коки является одним из неофициальных символов острова.

Мама улыбнулась:
– Хорошо, дорогая.

* * *

Школьная столовая пропахла рыбой. Я не любила рыбу, но, вздохнув, взяла разделенный на четыре секции поднос и встала в очередь. Перед горой из кусочков блестящих от масла рыбных палочек я остановилась как вкопанная.

– Тебя дома вкуснее кормят? – с иронией спросила меня одна из женщин на раздаче.

– Нет, – понуро ответила ей и покорно взяла рыбу.

– Не спи в очереди, двигайся, – услышала сзади я и быстро взяла скользкую бумажную упаковку пинты молока. Стараясь не растерять кусочки жареного картофеля, я присела за длинный стол.

Лиза прокалывала вилкой рыбные палочки, и из них сочился ярко-желтый сыр. Я смотрела на выгоревший от солнца плакат на стене, на котором были изображены здоровые дети, поднявшие вверх пластиковые вилки и ложки, чтобы показать важность здорового питания. Стоящая рядом с нами женщина с папкой и зажимом для бумаги спросила маму:

– Скажите, а сколько лет вашим детям?

– Семь и младшей почти пять. – Мама улыбалась и щурилась, но я знала, что из-за слабых глаз она не могла хорошо рассмотреть собеседницу.

Та записала что-то на листе бумаги, бормоча: «Вот как», – словно мама сообщила ей что-то из ряда вон выходящее и интересное.

Женщина продолжала задавать вопросы личного характера о деньгах, которые получает наша семья от социальных служб, о мамином образовании и о том, живем ли мы вместе с папой. Она спрашивала, работает ли он, и тому подобное. Я перекачивала во рту ломтик картофеля, после чего разгрызала его единственным передним зубом. В центре картофель был холодным, как лед. Казалось, что я ем мокрый картон.

– Так когда вы планируете начать обучение вашей дочери? – спросила женщина и показала на меня пальцем. Я съежилась и придвинулась поближе к маме. Женщина с папкой разговаривала с мамой таким же тоном, каким незнакомые взрослые обращались ко мне, чтобы сообщить, как сильно я подросла.

– Этой осенью, в государственной школе № 261, – ответила мама.

– Вот как? Спасибо, что уделили мне время. Приятного аппетита, дети, – сказала женщина и начала разговор с какой-то другой мамой.

– Моя девочка растет, – сказала мама и обняла меня одной рукой. – Представляешь, ты через два месяца пойдешь в школу.

Я задумалась о смысле слов «расти» и «взрослый» и обвела глазами столовую, рассматривая взрослых и пытаюсь понять, что лично для меня будет означать превращение во взрослого человека.

Я наблюдала за тем, как женщина с папкой расспрашивала другую нервную маму. Мне не понравилось, что моя мама отвечала на все вопросы женщины с улыбкой. Это очень напоминало визиты в социальные службы, когда сотрудница сидела, словно неприступная королева, в своем большом деревянном кресле напротив мамы, разговаривавшей заискивающим тоном, будто она чего-то просила. Мне не нравилось, что мы боялись посещений нашей квартиры представителями социальных служб и что перед этим надо было судорожно убираться. Мне не нравилось и то, что приходится заискивать перед работниками школьной столовой. Меня пугала власть незнакомых людей, которые могли дать, а могли и отнять, и то, что вся наша жизнь зависела от тех, кого мы не знаем.

В школьной столовой кормили только детей, и по просьбе мамы Лиза незаметно передала ей кусочек рыбы. Оглядевшись кругом, мама быстро положила этот кусочек в рот. Я смотрела на маму с Лизой и размышляла о том, что такое быть взрослым.

На выходе из столовой я задержалась около лестницы, ведущей к классным комнатам государственной школы № 33. С тех пор, как Лиза начала ходить в школу, утро я могла проводить с мамой, и мне это очень нравилось. Мы могли просыпаться во сколько хотим, и если дома была еда, мама намазывала мне бутерброд с арахисовым маслом и виноградным желе. Мы сидели на диване и смотрели телевизор.

Маме больше всего нравилась передача с ведущим Бобом Бейкером «Угадай цену». Мама говорила, что Бейкер – «один из последних джентльменов», и во время этой передачи сидела очень близко к экрану и шурилась, чтобы лучше видеть, когда Боба показывали крупным планом. Белые волосы Бейкера были аккуратно причесаны, а костюм идеален. Вместе с мамой мы пытались угадать цену призов и «выигрывали» лодки, мебельные гарнитуры и кругосветные путешествия. Когда кто-нибудь из участников шоу выигрывал по-крупному, я вставала и громко аплодировала. Иногда мама пылесосила, а я часами смотрела телевизор в квартире, освещенной косыми лучами утреннего солнца. Это было мимолетное и приятное время, когда я думала, что мама принадлежит мне одной и никому другому.

Иногда папа водил меня в библиотеку, где предлагал выбрать книжки с картинками. Себе в библиотеке он брал толстые фотоальбомы, на страницах которых были изображены задумчивые джентльмены в костюмах. Эти альбомы валялись по всему дому, потому что папа никогда их не возвращал. Дело в том, что он каждый раз получал читательский билет на новую фамилию. Иногда вечерами я брала одну из этих книг, относила к себе в комнату и пыталась читать ее так же, как делал папа, – прямо под светом лампы на тумбочке около кровати. Я долго выискивала слова, которые могли быть мне знакомы. Но предложения и слова оказывались слишком длинными, я быстро уставала и засыпала около раскрытой книжки с желтеющими страницами, ужасно довольная тем, что у меня с папой есть общее занятие.

Когда я поняла, что мне, как и Лизе, придется по утрам уходить, я очень расстроилась. Мне казалось, что я что-то безвозвратно теряю.

Я подолгу размышляла, какой моя жизнь будет в школе и как эта самая школа поможет мне стать взрослой. Я думала о том, какой взрослый из меня выйдет, потому что меня окружали самые разные виды взрослых. Хотя мне очень хотелось, я так и не отваживалась спросить совета у мамы, потому что понимала – от моих вопросов мама будет только больше переживать, что мы еле-еле сводим концы с концами. Поэтому я решила, что сама рано или поздно разберусь с этим вопросом.

* * *

В конце той недели ведущий на телешоу – в костюме, но почему-то в треуголке с яркими лентами – объявил, что сегодня, четвертого июля мы отмечаем День независимости. После этого он вместе со своей коллегой с копной пышных волос попрощался с телезрителями, и по экрану поползли титры. Какофония из телевизора чуть не заглушила звуки стоящего рядом со мной вентилятора, который тщетно пытался взлететь, как вертолет. Я, не двигаясь, сидела на диване.

Днем мама обещала, что отведет нас к воде – посмотреть салют. Я побежала в комнату и надела синие шорты и майку психоделической расцветки, чтобы выглядеть ярко и празднично. Но я слишком долго одевалась у себя в комнате. К тому времени, как я собралась, мама уже ушла в бар и даже никого об этом не предупредила. Этот бар она обнаружила относительно недавно и стала ходить в него все чаще и чаще.

Все началось в День святого Патрика в марте. В тот день мама с папой неожиданно отвели нас посмотреть парад, о котором все мы слышали по телевизору.

Мы стояли под мелким дождем на 86#й улице, проходящей рядом с Центральным парком. Мужчины дули в волынки и били в барабаны так сильно, что звук отдавался у меня в груди и в ногах. Мы с Лизой нарисовали на щеках клевер с четырьмя листиками. Папа сказал, что это для удачи. По дороге домой в поезде я заснула у папы на коленях.

Мама не дошла с нами до дома. Мы только собирались выходить на остановке Форд-хэм-роуд, как она повстречала старую приятельницу, которая направлялась в тот бар и утверждала, что праздник святого Патрика без выпивки – это деньги на ветер.

Дома, даже не смыв со щек четырехлистники клевера, я взяла одеяло и уселась на подоконник ждать маму. Так я просидела несколько часов, периодически засыпая и просыпаясь. Мама появилась в три часа ночи, источая запах перегара и передвигаясь сложным зигзагом. Она упала в кровать и спала, как после кокаинового отрыва, – целые сутки не просыпаясь. После этого она зачастила в тот бар. Она могла оборвать разговор на полуслове или встать во время обеда и, ничего не говоря, просто уйти.

В тот вечер, четвертого июля, я сидела в синих шортах и яркой майке на диване, переключала каналы, где показывали практически только празднование Дня независимости. Я много думала и пришла к выводу, что мама убежала в бар из-за меня. Это произошло потому, что я слишком часто стала задавать ей вопрос, действительно ли ей надо идти в бар и во сколько она вернется, если туда пойдет. Иногда я даже провожала ее до входной двери, держась за ее руку, чтобы чувствовать ее присутствие как можно дольше.

Она уже выходила из двери, а я все еще держала ее руку и спрашивала: «Значит, скоро увидимся, мама? Скоро? Ладно, мам?» Я повторяла эти слова до тех пор, пока не слышала звук закрывающейся двери подъезда. Я решила, что я своим поведением действую маме на нервы. Именно из-за моей настойчивости и навязчивости мама и уходит в бар.

Через пару часов по телевизору перестали показывать празднование Дня независимости. Я уже решила лечь спать, как совершенно неожиданно дверь открылась и вошла мама.

– Угадай, кто пришел! – сказала она. Я услышала чирканье зажигалки и решила, что она закуривает сигарету. Но потом до меня донеслись странные звуки, словно в комнату влетел рой пчел.

– Посмотри, что я принесла, дорогая! Иди, позови сестру.

Мамин бенгальский огонь горел, как палочка волшебника, и яркие искры разлетались от него по всей комнате, освещая голую мамину руку. В ее глазах блеснули отражения искр.

Мама начала размахивать бенгальским огнем, и я заметила, что в другой руке у нее пластиковый пакет с петардами.

В тот вечер мы так и не дошли до воды, чтобы посмотреть на большой салют. Мы вышли на крыльцо дома и в окружении соседей взорвали все петарды и запустили все фейерверки, которые у нас были. Римские свечи взлетали высоко в небо, а петарды громко взрывались. Папа помогал мне с Лизой зажигать фейерверки и следил за тем, чтобы мы не обожглись и не пострадали. Он нашел в мусорном бачке пустую бутылку, протер ее куском газеты и показал мне, как вставлять в нее петарду, чтобы она вылетала из бутылки, как ракета. Мама сидела на крыльце и болтала с соседкой по имени Луиза из квартиры 1 а, дочери которой взрывали свои петарды рядом с нами.

– Смотри, Лиззи, – говорил папа уверенным голосом. – Палочку фейерверка надо засунуть в бутылку вот так. Теперь поджигай фитиль и не обожгись.

Я сидела на корточках на тротуаре, и папа смотрел, как я поджигаю фитиль. Папа практически накрыл меня сверху своим телом, словно большой пингвин маленького птенца. Я вдыхала запах его пота, смешанный с дымом от спичек. Своими огромными руками папа

брал мои руки, показывая, как правильно засунуть фейерверк в горлышко бутылки. Потом мы отходили и наблюдали, как петарда летит в ночном темном воздухе, оставляя за собой яркий розовый хвост.

Мы с Лизой по очереди запускали петарды из бутылки, и через полчаса купленный мамой запас фейерверков закончился. Каждый взлет петарды сопровождался громкими аплодисментами. Я обернулась через плечо и посмотрела на родителей. Мама держала папу за руку и улыбалась.

Это было лето 1985 года, прямо перед тем, как я пошла в школу. Это был последний раз, когда я помню нашу семью счастливой. Все, что происходило до этого в нашем доме, мне не с чем было сравнивать. Я не представляла, насколько наша семья отличалась от многих других семей. Тогда я знала главное: у меня есть мама и наши родители заботятся о нас. Я не знала, что они нам многого недодавали, и это не имело никакого значения, ведь я и понятия не имела, что еще мне было нужно.

Лето заканчивалось. И с летним теплом уходило единство и сплоченность нашей семьи. Это было последнее лето, когда наша семья была более-менее стабильной. Наверное, все мы жили в маленьком закрытом мире, созданном только для нас. Я тогда думала, что мы – совершенно обычная семья, живущая на Юниверсити-авеню, ничем не отличающаяся от всех остальных. Иногда дела у нас шли не очень, но у нас было самое главное – мы были вместе.

* * *

В тот август я завела привычку залезать на стул на кухне и считать дни на бесплатном календаре из магазина *Met Food* над холодильником. Этому я научилась у своей старшей сестры. Вот уже два августа подряд Лиза неодобрительно шурилась на календарь, на котором, кроме дат и дней недели, были приклеены скидочные купоны на курицу и замороженные бурито по девяносто девять центов. Лиза была недовольна приближением учебного года. На следующий день я должна была пойти в школу вместе с ней.

– Все, ты попалась, – заявила Лиза, роясь в своих школьных принадлежностях, чтобы найти что-нибудь, чем она могла бы со мной поделиться. – Больше тебе дурака валять не придется. Теперь у тебя будет работа, как у всех нормальных людей.

Я вспомнила, как Лиза возвращалась из школы и напрямик направлялась в свою комнату, чтобы делать домашнее задание. Она с усталым видом выходила из комнаты через несколько часов, а я все это время сидела у мамы на коленях и смотрела телевизор. Закончив с домашними заданиями, Лиза отбирала у меня пульт под предлогом, что она весь день работала, а я прохлаждалась, сидя на заднице. Теперь я сама собиралась в школу и чувствовала, что больше Лиза не сможет обвинять меня в безделье.

Сестра вынула стопку старой линованной бумаги, которую она нашла в кладовке, и разделила стопку пополам.

– Бери, пригодится, – с видом знатока сообщила она. – Клади лист разлиновкой вверх, а то ребята начнут над тобой смеяться. Вот увидишь, дети друг над другом часто смеются.

Маленькими ручонками я вкладывала листы бумаги в папку, скрепленную тремя никелированными кольцами. Я уже много раз видела, как это делает Лиза. В это время мама неперестанно ходила по комнате из угла в угол.

– Завтра в школу! Лиззи, как время-то летит! Ты же только что в памперсах ходила! В памперсах! – Мама, видимо, не отдавала себе отчета в том, что она кричит.

Перед этим она уединилась с папой на кухне, где хорошо «ускорились». Ее челюсть была напряжена, желваки ходили под скулами, губы были плотно сжаты, а глаза – дикие. Я знала, что теперь она может долго так бегать по комнате и говорить.

Я всю неделю просила маму собрать меня в школу, но она не хотела вылезать из кровати. К счастью, пришел чек. Теперь она укололась и вернулась к жизни. Независимо от причин, ее внимание меня очень радовало.

– Нет, ну посмотрите на нее! В школу собирается. Я глазам своим не верю. – Мама зажгла сигарету и затянулась так глубоко, что кончик сигареты засветился, как маяк. – Тебе, Лиззи, в школе очень понравится. Ты будешь отлично учиться.

Я мгновенно заразилась ее энтузиазмом. Я была уверена, что в школе мне очень понравится.

– Слушай, а у тебя есть тетрадка? – спросила мама неожиданно с чувством заботы на грани срыва.

Было полдвенадцатого ночи. Я пару часов назад нашла старую папку-скоросшиватель под Лизиной кроватью. Лиза дала мне писчей бумаги, которую мы прошлой весной нашли в мусоре и которая уже тогда была желтой.

– Да, мам, вот здесь.

Я с трудом подняла вверх толстую папку, но она даже на нее не посмотрела.

– Отлично. Я тебя уже подстригла?

– Подстригла? Нет. А надо?

– Конечно, дорогая. За день до школы все получают новые вещи, всех стригут и все чистят зубы. Садись около журнального столика, я сейчас принесу ножницы и тебя подстригу. Может быть, не всю голову, но челку точно. В любом случае все смотрят только на челку.

Она открыла выдвижной ящик. Ее движения были нетерпеливыми, незаконченными, ее мысли и энергия переключались на что-нибудь другое до того, как она доводила любое действие до конца.

– Лиззи, все будет хорошо. Вот увидишь...

Было видно, что у нее нездоровая активность.

Я слышала, как мама, гремя, перебирает вещи в ящике. Лиза ушла спать, напоследок сказав, что ей надо выспаться, потому что вставать рано. Мне она настоятельно посоветовала сделать то же самое, если я хочу утром нормально проснуться.

Глядя на мамины движения, я занервничала. Она вообще умеет стричь волосы? А слабые глаза ей в этом деле не помеха? Я совсем не хотела, чтобы моя стрижка была похожа на ее: мамины волосы были длинными и волнистыми, но совершенно неухоженными и торчали в разные стороны. Я начала волноваться.

– Вот, нашла! – сказала мама, размахивая ржавыми ножницами.

Папа был на кухне, и я слышала, как он что-то бормочет. У меня не было выбора, поэтому я решила расслабиться.

Я должна была сидеть абсолютно без движения. Мама держала мой подбородок, чтобы я не дергала головой. Она велела мне закрыть глаза, чтобы в них не попали волосы. Чтобы волосы не падали на пол, я держала на коленях лист бумаги. У меня никогда раньше не было челки, но, кажется, мама не принимала этого во внимание. Она брала пряди моих волос и отрезала. Когда я почувствовала, что холодный металл ножниц касается моего лба в паре сантиметров над бровями, то начала паниковать.

– Мама, ты уверена, что надо так коротко отрезать? – спросила я.

– Дорогая, все под контролем. Осталось только немного подровнять. У меня почти получилось, но сейчас придется еще чуть-чуть отрезать. Пожалуйста... не двигайся.

На полу лежали пряди волос. Мама нервно притопывала ногой и иногда ругалась.

– Черт!

Мое сердце учащенно билось. Постепенно мама отрезала мне всю челку, и у меня над лбом оказался «ежик». Мама положила ножницы на журнальный столик, и я начала

ощупывать голову руками. Вместо челки у меня был короткий щетинистый «ежик». Слезы потекли из моих глаз.

– Ма-ма, ты слишком коротко отрезала. Зачем так коротко?

Но мама уже надевала туфли, чтобы идти в бар. По ее лицу я поняла, что кокаиновый кайф прошел и ей надо было успокоить нервы алкоголем. Она снова стала для меня недоступной.

– Знаю, дорогая. Но волосы отрастут. Мне надо было сделать все ровно, но эти чертовы ножницы совсем не годятся для стрижки волос.

Лиза говорила, что дети в школе часто дразнятся и смеются. Я представила, что мне придется пережить, и тихо заплакала. Мама взяла меня за руку и отвела в ванную около входной двери. Она встала за мной, и мы посмотрели на наше отражение в зеркале. Мама уже надела жакет. Она нагнулась, положила подбородок мне на плечо и погладила по голове.

– Дорогая, это всего лишь волосы, они отрастут. Когда я была маленькой, моя сестра Лори подстригла волосы у моей любимой куклы. Я очень разозлилась. Но она сказала, что волосы у куклы снова вырастут, и, представляешь, я ей поверила!

Я утерла слезы и уставилась в наше с мамой отражение в зеркале. Мамины глаза бегали из стороны в сторону, а на руках было несколько порезов от ножниц, к которым прилипли мои волосы.

– Твои волосы точно отрастут, Лиззи. Все будет хорошо. Тебе школа очень понравится, поверь мне.

Я увидела, как мамино отражение поцеловало мое отражение в лоб, после чего мама вышла из квартиры. Я услышала ее быстрые шаги по мраморным ступенькам лестницы подъезда и звук захлопнувшейся входной двери.

II. Взрослое детство

– Они не любят красный цвет. Я точно тебе говорю – надо побольше красного цвета в волосы, и все они сбегут. Клянусь, Лиззи, я от своих только так и избавилась.

– Так я тебе и поверила. Врунья!

В отсутствие родителей, когда ей было нечего делать, Лиза начинала шутить со мной злые шутки. Порой мама с папой исчезали на целый день в поисках наркотиков, а Лиза придумывала новые способы, как надо мной посмеяться.

– Мне надо заплести твои волосы в косички. И это должны быть не просто косички, все косички должны торчать в разные стороны.

– Зачем все это? Ты врешь. Какое отношение косички имеют к вшам?

Я, конечно, верила Лизе, но к тому времени она уже столько раз надо мной подло шутила, что я всегда была настороже. У меня в голове не укладывалось, как косички помогут решить мою проблему.

– Как хочешь, Лиззи, – сказала сестра и отвернулась от меня. – Я просто пытаюсь тебе помочь. Ты же хочешь, чтобы тебе помогли? Я знаю, как избавиться от вшей, но если тебе этого не нужно, то я могу этого не делать.

Но я очень хотела избавиться от вшей, которые мучили меня вот уже несколько недель. Пытаясь убить надоедливых насекомых, я расчесала себе всю голову. Кожа стала красной и зудела. Ночью я чувствовала, как вши ползают под волосами, и часто просыпалась, потому что мне снился кошмар – что вши откладывают яйца мне под кожу.

Когда вши только появились, я их почти не замечала. Дочка коменданта нашего дома по имени Дебби пришла к нам домой и предупредила маму о необходимости осмотреть наши волосы, потому что у жильцов появились вши.

– Все это из-за этих козлов, которых мой отец пускает переночевать в подвале, – разглагольствовала Дебби. – Половина этих идиотов родились на помойке. Джини, проверь своих детей, ведь они часто в подвал заходят. Вши – это не сахар, я сама все утро провела, стараясь от них избавиться.

Я вспомнила, что в прошлые выходные заходила в квартиру коменданта, которая была соединена с подвальным помещением коротким коридором. Я увидела, что мама передала Бобу деньги, а тот дал ей что-то, завернутое в фольгу.

Был полдень, и ванильное мороженое в моей руке таяло на глазах. В подвале люди просыпались или еще спали на расстеленных на полу грязных матрасах. Дебби была там же, она встала, чтобы обнять маму. От Дебби несло пивом. В подвале было много людей, некоторые – без одежды. С потолка свисала клейкая лента от мух, усеянная черными точками мертвых насекомых, и все это освещала пара прикрепленных к потолку электрических лампочек без плафонов.

Я увидела, что один из обитателей подвала, мужчина без рубашки, приподнялся и принялся тереть глаза. Он начал трясти и разбудил девушку, которая спала с ним рядом. Я переминалась с ноги на ногу на полу, заставленном пустыми пивными бутылками и переполненными пепельницами. Мужчина с девушкой поцеловались.

После того как Дебби ушла, мама заглянула в гостиную и спросила, не появились ли у нас вши. Я тогда еще не знала, что такое вши, и ответила: «У меня голова чешется». Лиза ответила то же самое. Мама пообещала купить специальный шампунь, и на этом разговор закончился. С тех пор прошел почти месяц, но обещанный шампунь так и не появился. Именно поэтому я позволила Лизе заняться своими волосами.

– Передай мне заколку, – попросила Лиза. После завершения каждой косички Лиза с гордостью поворачивала меня к зеркалу, чтобы я могла оценить ее работу. После того как она один раз рассмеялась, я начала подозревать что-то неладное.

– Прости, Лиззи, ничего не могу с собой поделат. Ты действительно смешно выглядишь. Ты бы сама смеялась, если бы увидела меня с такой прической. Ладно, не волнуйся, все это часть лечения.

Я немного успокоилась и позволила Лизе продолжать. Однако она начала хихикать все чаще, а я злилась все сильнее. В какой-то момент, когда Лизе стало очень смешно, я вскочила, но потом попросила ее закончить. Что мне оставалось делать? Никакого другого лечения мне никто не предлагал. Лиза нехотя согласилась, заявив, что я не должна ставить под сомнение добрую волю тех, кто хочет мне помочь. Я решила, что буду думать не о ней, а о том, как мне станет хорошо без вшей.

Она неистово крутила косички, от чего вши активизировались и начали кусаться сильнее. С тоской я смотрела на медленнодвигающуюся минутную стрелку. Мама с папой обещали купить еды, но отсутствовали уже несколько часов. Я думала, что они скажут, когда придут и увидят, как Лиза в очередной раз меня разыграла.

Мне показалось, что прошло часа три. Мои колени ныли от того, что я стояла на тонком ковре, и я уже изнемогала от нетерпения. Лиза, наконец, закончила:

– О'кей, готово. Теперь, Лиззи, надо найти что-нибудь красного цвета, чтобы воткнуть тебе в волосы. Вши боятся красного цвета. Найди что-нибудь подходящее. Только побыстрее.

– Красного цвета?

Лиза нашла красное платье Барби, одну из папиных мусорных находок, и надела его на самую длинную косичку у меня на макушке. Пустые рукава торчали в стороны, а из ворота выглядывал пучок волос, скрепленный заколкой.

– Думаешь, что этого достаточно?

– Нет, нужно больше красного. Давай быстрее, чем дольше тянешь, тем сложнее будет от них избавиться!

В комнате я не заметила ничего подходящего, поэтому залезла в свои ящики и начала перебирать их содержимое. Пересмотрев все и ничего не обнаружив, я вспомнила, что в мамином комодe есть кое-что подходящее. Я открыла комод и вытащила букет красных пластмассовых роз. Лиза начала попрыгивать от возбуждения:

– Отлично! Надевай их на волосы, куда только можешь.

Я принялась отсоединять цветки розы от стеблей и прикручивать их косичками поближе к коже. Я старалась максимально закрыть всю поверхность головы. Держались розы на удивление неплохо. Закончив с цветами, я посмотрела на свое отражение в зеркале и увидела красное сияние вокруг головы, увенчанной на макушке красным платьем Барби, торчащим, словно рог единорога. Я посмотрела на Лизу, которая объяснила, что должно пройти минут двадцать, прежде чем я увижу результат. Пока мне следовало сидеть и не двигаться. Я закрыла за ней дверь ванной комнаты и залезла в ванную, надеясь, что испуганные красным цветом вши начнут массово покидать мою голову.

Потом я решила, что лучше снять одежду, чтобы вши не спрятались в складках ткани, разделась догола, села в ванну и принялась терпеливо ждать.

Время шло, но ничего не происходило. Лиза постучала в дверь и спросила, как идут дела. Я попросила ее подождать. Поверхность ванны холодила мои ноги, и через некоторое время я начала дрожать. Потом неожиданно услышала звук от упавшей в ванную вши.

Я начала крутить головой и услышала звук второго падения насекомого. Прошло некоторое время, но больше ничего не произошло. Две вши извивались на дне ванны, и это напомнило мне, что произошло со мной недавно в школе.

В прошлом году, когда я ходила в «нулевку», преподавательница сказала, чтобы мы разбились на пары. Я не хотела быть в паре, потому что боялась, что партнер увидит мою плохо отрезанную челку. Я знала, что тогда надо мной начнут смеяться. Дети и так пялились на мою прическу. Скоро меня начали называть «девочкой со странной прической». Я старалась держаться от всех в стороне. Теперь я была в первом классе и надеялась, что смогу стать нормальной девочкой, но этому помешало появление вшей.

Это произошло во время урока миссис МакАдамс, на котором учительница устроила тест по правописанию. Моим соседом по парте был мальчик по имени Дэвид. Помощница учительницы, миссис Рейнолдс, тучная женщина с шеей индюка и выпадающими волосами, курсировала по классу, чтобы никто не шалил во время теста.

В классе было слышно, как карандаши царапают бумагу и как шагает миссис Рейнолдс, обутая в дешевые туфли. Я старалась как можно красивее вывести на листе бумаги слово «воскресение».

Миссис МакАдамс продиктовала следующее слово – «время». Я склонилась над листом бумаги и вдруг почувствовала, что у меня очень чешется голова. Я почесалась, и маленький серенький жучок упал с головы прямо на середину листа. Мое сердце учащенно забилося, я быстрым движением смахнула жучка с парты и начала осматриваться вокруг, чтобы увидеть, заметил ли кто-нибудь из учеников это неприятное происшествие. К счастью, никто не обращал на меня внимания.

Однако этим дело не закончилось. Голова опять зачесалась, и на этот раз из волос вывалилось сразу два насекомых. Один упал на пол, а второй – на стол между мной и Дэвидом. Миссис МакАдамс продиктовала следующее слово, которое я совершенно упустила. Я делала вид, что не замечаю, как насекомое ползет к Дэвиду.

Кожа головы зудела все сильнее и сильнее, но я собрала силу воли в кулак и не чесалась. Дэвид неожиданно поднял руку и произнес:

– Миссис Рейнолдс, у меня на парте появилось какой-то странное насекомое.

Вошь ползла по аккуратно написанному Дэвидом слову «время».

Девочка, сидящая с другой стороны от Дэвида, закричала:

– Ой, ужас какой! Дэвид, фу, как мерзко!

– Да это не от меня, – оправдывался мальчик. – Я не знаю, откуда он взялся.

Он густо покраснел и от смущения закрыл уши руками.

Миссис Рейнолдс поспешно подошла к нему, чтобы узнать, что произошло. Однако она почему-то решила, что это насекомое – таракан, и принялась искать у нас еду. Миссис Рейнолдс разразилась речью о том, что в классную комнату нельзя приносить еду, от которой заводятся тараканы. В этот момент моя голова стала зудеть так сильно, что я ее снова почесала, и на мой листок с тихим звуком упала еще одна вошь. Девочка, сидевшая справа от меня, все это увидела.

– О боже, эти существа валяются у нее из волос! – воскликнула моя соседка по имени Тамейка.

Все ученики завопили от возмущения.

Миссис Рейнолдс взяла меня своей костлявой рукой за запястье и под вопли одноклассников вывела из класса в коридор, а из него в учительскую. Она приказала мне сесть в кресло, которое вытащила на середину комнаты. Миссис Рейнолдс взяла из морозилки фруктовый лед на палочке, раздвинула рукой мои волосы и провела мороженым по коже головы. Она стряхнула мороженое, и с него на кафельный пол упало несколько вшей.

Миссис Рейнолдс потащила меня назад в класс, но не разрешила входить, а сказала, чтобы я подождала на пороге. Она зашла в класс, открыла учительский шкаф и начала в нем что-то искать.

Глядя на меня, Тамейка наклонилась к своей соседке и что-то ей прошептала, после чего обе начали хихикать. Миссис МакАдамс ударила кулаком по столу и велела всем вести себя «прилично», чем переключила внимание всего класса на меня. Наконец миссис Рейнолдс нашла то, что искала. Она показала мне бутылку уксуса и сообщила:

– Нашла. Пошли. Ты иди впереди, а то эти твари прыгают.

Класс взорвался от хохота. Я чувствовала себя униженной и думала о том, как миссис Рейнолдс собирается использовать найденный уксус.

Она вывела меня на площадку перед школьным зданием, на которой стояли два учителя и курили. Рядом с нами проходила оживленная улица, ездили автомобили и даже был слышен шум надземки, станция которой была совсем рядом. Я думала, стоит мне убежать или нет.

Миссис Рейнолдс крепко взяла меня за плечо, заставила сесть на корточки и упереться ладонями в стену. Она засучила рукава.

– Это старое средство против блох, которым пользовались в нашей семье. Не переживай, больно тебе не будет. Главное – держи глаза закрытыми, а обо всем остальном я сама позабочусь.

Она стала лить уксус мне на голову, от чего мгновенно стали зудеть расчесанные раны. Миссис Рейнолдс резкими круговыми движениями втирала мне в волосы уксус, от запаха которого меня чуть не тошнило.

В моем поле зрения были только стена и наши ноги – мои в кедах и учительницы в дешевых туфлях. Вскоре вокруг нас собралась небольшая толпа вышедших на перемену учителей.

Я думала о том, что уже никогда не смогу войти в класс. Я сгорала от стыда и не представляла, как снова смогу смотреть в глаза моим одноклассникам. Наверняка я уже не буду больше сидеть рядом с Дэвидом и Тамейкой. Я хотела задохнуться от запаха уксуса, чтобы в моей смерти обвинили миссис Рейнолдс.

Через некоторое время учительница разрешила мне встать.

– Достаточно. Ты же не хочешь, что кто-нибудь принял тебя за салат? – Она улыбнулась. Через мгновение улыбка исчезла, и она добавила строгим тоном: – Марш назад в класс.

* * *

Сидя в ванне у нас в квартире, я открыла воду и подставила под нее голову. Поток воды смывал вшей. Кожа головы болела, натянутая многочисленными косичками. Я вспомнила, что средство миссис Рейнолдс не имело эффекта, и начала подозревать, что Лизино лечение окажется точно таким же.

Я встала и уставилась на свое отражение в зеркале. На меня смотрело довольно странное существо. Мне не удалось равномерно распределить розы по голове, и мне помогла Лиза. В результате у меня на голове была словно купальная шапочка из симметрично вплетенных в волосы роз.

Вошь преспокойно выползла на красное платье Барби. Значит, Лиза меня опять разыграла. Или, может быть, она что-нибудь забыла? Я оделась и вышла из ванной.

– Твое лечение не действует. Что теперь будем делать?

Лиза согнулась пополам от смеха. Сразу же после этого я услышала голоса родителей, поднимающихся вверх по лестнице. Лиза просто помирала от хохота. В этот момент я окончательно поняла, что стала жертвой очередной шутки. Ей снова удалось меня обмануть.

Сестра схватила меня за руки, чтобы я не смогла снять с себя «украшения». Я вырвалась, бросилась в свою комнату и захлопнула дверь. Там я начала срывать с себя пластиковые розы.

Я сняла с косички красное платье Барби и со всей злостью выбросила его в открытое окно. За платьем в окно полетели заколки. В соседней комнате родители шуршали пакетами. Я всем телом навалилась на дверь, чтобы никто не зашел в мою комнату. С другой стороны на дверь давила Лиза, пытаясь ее открыть. Одной рукой я держала дверь, а второй вырывала розы из волос. После того как я сняла последнюю розу, я отпустила дверь, и Лиза упала лицом вниз на пол моей комнаты, усеянный пластиковыми розами.

– Что у вас здесь происходит? – озабоченно спросила мама, заглядывая в комнату. Я горько расплакалась. – Что произошло? Лиза, что ты наделала?

– Ничего! Лиззи попросила меня помочь ей сделать прическу, а теперь плачет. Понятия не имею, почему.

– Вон! – заорала я.

– Лиза, скажи... – начала было мама, но я прервала ее криком:

– Идиотка! Убирайся!

Лиза встала с пола и молча вышла из комнаты.

Мама обняла меня, и я утонула в ее тепле.

– Ну, что с моей крошкой произошло? Расскажи, пожалуйста.

Она гладила меня по голове и утирала слезы. Мама поцеловала меня в лоб и в обе щеки, в ее глазах было столько любви, что я чуть не расплакалась. Все мои обиды на Лизу быстро улетучились.

– Все хорошо, мама с тобой. Не плачь, дорогая, рассказывай.

Мир состоял из людей, которым я была омерзительна, и во всем мире любила меня только одна мама. Только она умела обнять меня так, чтобы я позабыла обо всем плохом. Я хотела, чтобы мама меня обнимала и раз за разом спрашивала, что со мной случилось. Я так хотела чувствовать тепло ее тела и звук голоса, которые создавали иллюзию, что я не одна и что нахожусь в безопасности. Я зарылась лицом в складках ее платья и вздрагивала каждый раз, когда мне казалось, что она собирается встать и уйти.

* * *

Я очень старалась быть хорошей ученицей. Я хотела быть ребенком, который всегда делает домашнее задание, поднимает руку во время урока и знает ответы на все вопросы. Я хотела быть, как Мишель, которая на уроках чтения читала лучше всех. Или как Марко, который знал все ответы на уроках математики. Я хотела получать хорошие оценки, как они. Но этого не происходило.

Может быть, получать хорошие оценки мне мешала ситуация, сложившаяся у нас дома. Дело в том, что в последнее время я сильно недосыпала. Ежедневно мама с папой занимались только тем, что старались добыть наркотики. Их стремление к кайфу стало таким сильным, что они не могли и не хотели с ним бороться. Я могла посмотреть на календарь, показать на любой день и сказать, как этот день пройдет и что мама с папой будут делать в определенное время, настолько действия родителей стали предсказуемыми.

Деньги, полученные по маминому чеку, исчезали через пять-шесть дней после его обналичивания. После этого мама начинала выпрашивать деньги у посетителей баров. Среди завсегдатаев этих заведений было несколько стариков, которые могли дать ей доллар-два или, по крайней мере, сдачу мелочью, которую они получили. Иногда мама просила дать ей мелочь, чтобы заказать песню в музыкальном автомате, и прикарманивала пятьдесят или двадцать пять центов. Иногда мама выходила с мужчинами в туалет или за угол на улицу, после чего возвращалась через несколько минут, заработав несколько долларов.

Маме надо было заработать минимум пять долларов. Именно столько стоил самый маленький «чек» разбавленного аспирином кокаина. Вернувшись из бара, мама громко гово-

рила папе: «Питер, у меня есть пять долларов». Папа быстро надевал пальто и старался выйти из дома так, чтобы его не заметила Лиза.

Папа знал, что Лиза поднимет страшный крик, когда узнает, что он идет покупать наркотики тогда, когда мы сидели без еды. Поэтому он старался ускользнуть незаметно, чтобы не слышать криков и ругани.

«Ты опять собираешься тратить деньги на наркоту, когда мы голодные сидим! У меня в животе от голода сводит! Я не обедала, а ты опять за свое!»

Я слушала Лизины крики и была с ней совершенно согласна. Я понимала, что преступно тратить деньги на наркотики, когда в холодильнике стоит банка заплесневевшего майонеза и лежит старый кочан вялого латука. У нас с Лизой были все основания быть недовольными.

Однако для меня этот вопрос не был таким простым, как для Лизы. Мама говорила, что наркотики ей нужны, чтобы забыть те кошмары, которые ей пришлось пережить со своими родителями. Я не знала, какие воспоминания пытается подавить наркотиками папа, но подозревала, что и у него в детстве были большие проблемы, потому что, если он не «торчал», то мог неделю лежать, не вставая, в кровати с синдромом абстиненции. В таком состоянии он превращался в человека, которого я вообще не могла узнать.

Лиза не просила у родителей чего-то сверхъестественного. Она хотела, чтобы на столе был обед. Я тоже этого хотела. Но я прекрасно видела, что, если мы с Лизой целый день не ели, то наши родители не ели несколько дней. Когда я думала, что мне нужна зимняя куртка, я смотрела на спортивные тапочки отца, обмотанные клейкой лентой, чтобы не отвалилась подошва. Я видела, что мама с папой не в состоянии дать мне то, чего нет у них самих.

Мои родители не хотели сделать мне больно. Я не могла обвинить их в том, что они заботились о ком-то другом, а не обо мне. Просто они не были теми родителями, которых мне хотелось бы иметь.

Помню, как мама украла пять долларов из письма, которое бабушка отправила к моему дню рождения из Лонг-Айленда. Банкнота была приклеена к открытке с поздравлениями и подписью бабушки. Я спрятала банкноту у себя в ящике и планировала пойти в магазин и купить конфет. Но мама улучила момент, когда я вышла из своей комнаты, и украла деньги, чтобы купить наркотики.

Когда через полчаса после этого она вернулась домой с пятидолларовым «чеком», я была вне себя от ярости. Я требовала, чтобы она вернула мне деньги, и называла ее словами, которые мне сейчас даже не хочется вспоминать. Мама молчала. Схватив со стола «чек» и шприц, она бросилась в ванную комнату. Я последовала за ней, ругая ее самыми плохими словами. Я думала, что мама хочет уколоться, но ошибалась. Мама выбросила «чек» в туалет и спустила. Она уничтожила свою дозу и начала горько плакать.

– Я не чудовище, Лиззи. Я просто не могу остановиться. Прости меня, если можешь, дорогая, – сказала она, глядя на меня заплаканными глазами.

Я и сама была в слезах. Мы сидели на полу ванной комнаты и плакали. Шприц лежал на краю раковины. Вены на маминых руках были в маленьких точках от уколов. Тихим голосом мама повторяла:

– Прости меня, Лиззи.

И я ее простила. Ведь мама не желала мне зла. Просто она была наркоманкой, и у нее развилась зависимость.

– Конечно, мама, я тебя прощаю, – сказала я ей.

Я простила тогда и простила ее через пару месяцев, когда она вынула из морозилки индюшку, которую получила в церкви, и продала соседке, чтобы купить очередной «чек».

Мне было очень больно и голодно, когда родители оставляли меня без еды. Но я не винила ни маму, ни папу. Я не сердилась на них. Я ненавидела их зависимость и нарко-

тики, но не своих родителей. Я любила их и знала, что они любили меня. Более того, я была в этом совершенно уверена.

Даже когда мама «торчала», она регулярно подходила к моей кровати, чтобы укрыть меня одеялом, если я раскрывалась во сне. Мама часто пела мне «Ты мое солнце». Она целовала меня и повторяла, что дети – это лучшее, что у нее есть.

«Вы с Лизой – мои ангелы, мои птенчики», – часто повторяла она. Я засыпала с исходящим от нее запахом сигарет и кокаина, которые были для меня как колыбельная для обычных детей.

Однажды около четырех часов утра папа сдался на мои уговоры и пошел со мной гулять по свежевывавшему снегу. В свете уличных фонарей снег блестел, как россыпь бриллиантов. В это время на улицах никого не было. Папа рассказывал мне о том, как в колледже изучал психологию и что полезного я могу почерпнуть из этой науки.

«Я люблю тебя, Лиззи», – говорил он.

Так по пустым улицам мы прогуляли несколько часов.

Наркотики разрушали нашу семью. Хотя из-за них страдали мы с Лизой, я очень жалела своих родителей. Мне казалось, что я могу спасти их от наркотиков. Мне казалось, что жизнь родителей находится в опасности. Они в любое время дня и ночи шли за наркотиками, а жили мы в районе, в котором был высокий уровень преступности, водителей такси убивали за двадцать долларов, прохожих грабили, а женщин насиловали.

Мама была почти слепой, но тем не менее могла выйти за наркотиками в любое время, даже ночью. При этом она настолько плохо видела, что могла пройти мимо меня или Лизы днем по улице, не увидев и не узнав нас. Она различала формы предметов, таких, как человек или стоящий автомобиль, и могла отличить красный цвет светофора от зеленого. Плохое зрение ее не останавливало.

Несколько раз на маму нападали на улице. Однажды ночью ее пытались ограбить. Преступник угрожал ей ножом и, не найдя денег, побил ее: поставил синяк под глазом и разбил губу. После возвращения домой мама рассказала, что грабитель был очень зол из-за того, что не нашел денег.

Однажды, когда мама пришла домой с очередным «чеком», я заметила, что ее джинсы разорваны, а нога в крови. Мама сказала, что ее ударила машина.

«Не волнуйся, Лиззи, ничего страшного. Машина ехала с маленькой скоростью. Со мной уже такое было, когда я работала велокурьером», – сказала она и попросила папу сделать ей укол.

Она, кажется, не понимала, что из-за своей неосторожности и слепоты подвергала себя огромной опасности. А может быть, ее это просто не волновало. Ясно было одно – если мама решила что-то сделать, она делала.

Несмотря на плохое зрение, мама три недели проработала велокурьером на Манхэттене. На должность курьера не нанимают людей с плохим зрением, но мама не сказала об этом своему работодателю. Она одолжила у знакомых велосипед и бесстрашно выехала на улицы, забитые людьми и машинами. Работу курьером мама бросила только после того, как разбила велосипед и не смогла найти новый. Если мама хотела чего-то добиться, она этого добивалась.

Папа тоже не очень сильно о себе заботился. Для того чтобы добыть наркотики, он мог ночью пешком идти через районы Бронкса, которые контролировали банды. Особенно опасными в те времена считались Гранд-авеню и 183#я улица.

Однажды ночью он пришел домой избитым. На соседнем углу бандит несколько раз ударил папу головой об асфальт, после чего папа целый час полз до дома. На следующий день как ни в чем не бывало он снова бежал за наркотиками. Чтобы добыть дозу, он был

готов рисковать жизнью днем и ночью. Чаще всего он ходил к одной синей двери на втором этаже дома на Гранд-авеню, где и обменивал скомканные банкноты на «чеки» с порошком.

Ночью мне не спалось, потому что я волновалась за родителей. Я смотрела в окно, ожидая возвращения мамы или папы. Обычно поход родителей за наркотиками отнимал тридцать-сорок минут. Если они задерживались дольше этого времени, я начинала подозревать самое худшее и готовилась звонить 911. Довольно часто телефон в нашей квартире был отключен из-за неоплаченных счетов, но я знала, что могу позвонить из телефонной будки на углу улицы.

Я всегда старалась быть полезной для родителей. Лиза громко протестовала, когда кто-то из них шел за наркотиками. Ее комната находилась как раз около входной двери, и, чтобы выйти на улицу, папа или мама должны были прошмыгнуть мимо нее. Я стояла на «шухере» в коридоре и следила, чтобы Лиза не заметила уход мамы или папы из квартиры. Папа, готовый к выходу, как герой из детективного сериала, ждал в гостиной.

– Дай знать, когда можно идти, – тихо говорил он и ждал моего сигнала.

– Давай! – шептала я.

Выходя из дома, папа всегда кивал мне головой, чтобы показать, что благодарен. В эти моменты я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Мне казалось, что мы члены одной команды.

– Не волнуйся, я тебя прикрою, – отвечала я.

После ухода папы я не хотела ложиться спать, потому что в это время могла пообщаться с мамой. Она с нетерпением ждала его возвращения, разложив на столе шприцы, ложки и жгуты. В эти минуты в предвкушении наркотиков мама была разговорчивой, и ее янтарные глаза светились предчувствием радости. Я не думала, что мне надо выспаться перед школой. Мы с мамой сидели в гостиной, и она рассказывала о своем детстве в конце 1960#х – начале 1970#х годов.

– Видела бы ты меня тогда, Лиззи, – говорила мама. – Я носила высокие сапоги на каблуках.

– Правда? – отвечала я, словно не слышала эту историю уже сто раз. Я делала вид, будто каждая деталь маминого рассказа меня поражала, пугала или радовала.

– Да, и прическу афро. У меня всегда были густые и кудрявые волосы, это благодаря итальянской крови некоторых моих предков. А у папы были огромные бакенбарды, просто настоящие котлеты!

Мы общались с мамой, как две подруги. Мы говорили о моде, одежде, наркотиках, сексе, мужчинах и особенно – об ужасах, которые мама пережила в детском возрасте. Очень многое из того, что она мне рассказывала, я не понимала, но делала вид, что все мне совершенно ясно. Я кивала и была рада, что мама посвящает меня в самое сокровенное. Мама никогда не замечала или не обращала внимания, что я слишком мала для ее рассказов и могу в них чего-то не понять. И она продолжала делиться со мной своими историями.

Мне нравилось, когда мама находила в своем детстве какие-нибудь положительные моменты. Но я знала, что ее оптимизм связан с предвкушением наркотиков. После того как кайф пройдет, она будет видеть во всем только негатив.

Кто другой выслушал бы маму, когда ей плохо? В эти тяжелые моменты я могла и хотела быть с ней рядом. Когда мама ждала наркотики, я часто подходила к окну и смотрела, не идет ли папа, а мама рассказывала мне разные радостные истории.

– Мы тогда постоянно «торчали». Кислотой можно себе все мозги сжечь. Особенно во время хорошего рок-концерта. Главное, ты, Лиззи, никогда кислоту не принимай. От нее начинаешь представлять себе совершенно нереальные вещи. Очень странная штука.

До появления папы мама готовила свои «причиндалы»: ложки для растворения порошка, китайские плошки для супа, в которых была вода, и шнурки, которые она исполь-

зовала в качестве жгута. Мама с папой всегда пользовались двумя отдельными шприцами. Мама продолжала рассказывать, внимательно изучая иглы шприцев. Я с интересом наблюдала за ее действиями.

– В то время мне часто предлагали работать моделью. Проблема в том, что все «агенты», которые это предлагали, хотели со мной сначала переспать. Так что ты держись от таких ребят подальше. Секунду...

В качестве проверки она набрала в шприц воды, надавила на поршень, и вода маленьким фонтанчиком брызнула из иглы.

– Так вот, – продолжала она. – Мужчины бывают абсолютными подлецами, но все равно в те времена было весело.

Мама готовилась, словно медсестра. Вскоре появлялся папа с пакетиком лекарства, излечивающего их недуг.

Так повторялось изо дня в день. Мама с папой делали укол и начинали носиться по квартире, как сумасшедшие. Лиза крепко спала, и я могла спокойно общаться с родителями.

Я оберегала их. Они «торчали», но они были со мной.

Реакция родителей на наркотик всегда была одинаковой. Глаза широко раскрывались, и мелкие судороги пробегали по их лицам. Мама начинала ходить кругами по комнате, она шаркала ногами, растопыривала руки и говорила в потолок. В моменты сразу после «прихода» она никогда не смотрела мне в глаза.

Минут через двадцать их начинало отпускать. Пик наслаждения проходил, и мамины рассказы становились другими.

– Папа обещал, что отвезет меня в Париж. Ты понимаешь, что это значит? В Париж! Я же была его любимой дочерью. Я это знала, и Лори это знала. Когда я была совсем маленькой, он сломал мне ключицу. Он тогда хотел меня из окна выбросить! – кричала мама, обратив взгляд в потолок. Мне было ее очень жаль, и я очень хотела, чтобы она позабыла былые обиды и боль.

В это время папа супермедленными движениями чистил «приборы», проливая воду и ошибаясь. Он так сильно «торчал», что не понимал, что делает.

– Лиззи, мой папа стал таким из-за алкоголя. Он очень меня любил. Ты же веришь мне, правда? – спрашивала мама, потягивая пиво из огромной бутылки. Обычно в это время она начинала плакать.

Мама растягивала ворот майки, отчего было видно ее худое тело и несимметричную ключицу, которая неправильно срослась после того, как отец ударил ее о стену. На ее лице был страх, и я понимала, что она не забыла тот ужасный момент в своем раннем детстве. Она принимала наркотики, чтобы забыть все пережитое и нормально себя чувствовать. Она страшилась, что подобная трагедия может повториться.

– Мам, я тебя люблю, я здесь, с тобой, – говорила я ей в такие минуты.

– Я знаю, Лиззи, – отвечала мама.

Но я понимала, что смысл моих слов не доходит до нее. Она всегда была настолько грустной, что казалось, она пребывает в совершенно другом измерении.

Когда мама говорила, я внимательно ее слушала, побросав все, чем до этого занималась. Мне казалось, что ее боль передается мне, настолько близкий у меня с ней был контакт. Я придвигалась к ней поближе и говорила как с другом, хотя не всегда понимала, что именно я говорю.

– Он тебя все равно любил, ведь он был твоим папой. Наверное, он стал злым от пива, мам. Если бы он бросил пить, он был бы прекрасным папой.

Если от моих слов маме становилось лучше, то, увы, ненадолго. Когда кайф ее отпускал, она одевалась и, утирая слезы, выходила на темные улицы в поисках нового «чека».

Папа оставался в спальне. Он лежал, словно в коматозном состоянии, иногда подергиваясь от действия наркотиков, которые гуляли в его крови.

Я снова садилась у окна и, глядя на Университи-авеню, повторяла про себя как мантру телефонный номер экстренной помощи. «911», – твердила я про себя, глядя, как мама удаляется в сторону бара, чтобы повторить все то, что я уже много раз видела.

В эти ночные часы меня спасал телевизор. Я отмеряла время получасовыми сегментами передач. Я смотрела телепередачи и рекламу до тех пор, пока в эфире в пять часов не появились первые утренние новости. Это означало, что можно ложиться спать, что я и делала, когда восток уже начинал алеть зарей.

К этому времени закрывались все бары, и единственными людьми на улицах были проститутки, бомжи и наркоманы – точно такие же несчастные люди, как и мама. После закрытия баров мама возвращалась домой и падала в изнеможении на кровать рядом с папой. В это время я тоже ложилась спать.

Ранним утром в нашей квартире были слышны энергичные звуки новостей и громкий храп мамы. Я надевала синюю ночную рубашку, которую прислала мне бабушка из Лонг-Айленда, бросала последний взгляд на маму, которая спала не раздеваясь, и папу в нижнем белье, выключала телевизор и ложилась в кровать. Я засыпала с мыслью, что, если бы родители не употребляли наркотики, они бы больше уделяли времени мне и Лизе.

* * *

«Лиззи, вставай!» – будила меня своим криком Лиза. Когда я ходила в детский сад, сестра вела себя по утрам достаточно резко, но когда я пошла в школу, ее отношение только ухудшилось.

«Каждый день одно и то же! Да вставай же скорее!» – вопила Лиза. Она срывала с меня одеяло, отчего мне становилось холодно.

На улице слышался гам детей, которые ждали школьного автобуса. На переходе через улицу стояла женщина со свистком, которая следила за безопасностью детей. За ночь я обычно спала не более двух часов.

Каждое утро Лиза вставала по звонку будильника. Она умывалась и одевалась, после этого начинала будить меня. Сестра будила меня сперва нежно, но я не вставала, поэтому она начинала орать, вытаскивать меня из кровати и насильно одевать.

В нашей квартире редко было включено отопление, поэтому, когда Лиза стаскивала с меня одеяло, мне становилось ужасно холодно. Я свертывалась калачиком, чтобы не замерзнуть, и продолжала спать, крепко держась за подушку, которую Лиза пыталась вытащить у меня из-под головы. В те минуты я ненавидела Лизу сильнее, чем ненавидела школу, из-за которой не могла выспаться, и сильнее, чем детей, которые меня в ней третируют. Кроме этого мне казалось, что Лизе нравится надо мной издеваться. Я чувствовала, что она получает удовольствие от роли, которую добровольно на себя взяла.

«Я твоя старшая сестра, и ты должна меня слушаться! – орала она. – Или я вылью на тебя холодной воды! Вставай!»

Она брала чашку холодной, как лед, воды и выливала мне на голову. Я была вне себя от злости. Но иногда даже после этого не вставала.

По утрам, после того, как я всю ночь не спала с родителями, мне казалось, что я только закрывала глаза, как Лиза начинала меня будить.

В то утро я нехотя встала и, стараясь не создавать лишнего шума, чтобы не разбудить родителей, оделась. Лиза совершенно не обращала внимания на то, что они спали. Она каждые три минуты кричала, что я опоздаю, если не потороплюсь. Холод на улице меня немного

бодрил, но в теплой школе № 261 с флуоресцентными лампами я снова засыпала. Я хотела спать, и у меня не было никакого желания учиться.

Каждый день миссис МакАдамс задавала нам домашнее чтение. Однако я уже научилась читать на книге «Хортон» и перешла на книги третьеклассницы Лизы и детективы, которые читал папа. Я чувствовала себя слишком уставшей и поэтому игнорировала объяснения грамматики и правописания. Мои глаза постепенно закрывались, и я начинала сладко дремать.

Я думала о том, проснулась ли мама и смотрит ли она без меня телевизор. Может быть, она пойдет прогуляться? Если бы я была дома, взяла бы она меня с собой?

После разбора грамматики миссис МакАдамс перешла к математическим задачам. Я совершенно не понимала того, что она объясняла. Каждая минута казалась часом. Я сидела и представляла, под каким предлогом я могла бы попросить у школьной медсестры освободить меня от занятий: грипп, боль в животе, лихорадка, чума. Некоторые из этих предлогов были наполовину правдивыми: когда миссис МакАдамс вызывала ученика для ответа, у меня все в животе съеживалось, и казалось, что меня вот-вот стошнит.

После уроков я быстро запикивала тетрадки в портфель и старалась уйти раньше остальных. Меня нервировали одноклассники. Я напрягалась, когда они стояли слишком близко ко мне. Мама помогла мне избавиться от вшей при помощи специального шампуня. Но даже без вшей я сильно отличалась от моих одноклассников. Они это видели, и я об этом знала. Я плохо одевалась, и моя одежда была грязной. Носки я носила целую неделю подряд, а нижнее белье меняла крайне редко. Я понимала, что от меня плохо пахнет.

Но, с другой стороны, как говорил папа, какое мне дело до того, что обо мне думают? «Это их проблемы». Я пыталась убедить себя, что мнение других мне совершенно безразлично. Я по многим параметрам была гораздо более взрослой, чем все они, вместе взятые.

В свои шесть лет я могла материться в присутствии родителей, ложилась спать, когда мне вздумается, знала о сексе и могла смешать дозу кокаина, чтобы запустить ее по вене. Но, с другой стороны, все остальные дети были более собранными и продолжали оставаться детьми в то время, когда я их переросла. Они свободно общались друг с другом, завязывали дружеские отношения и мило поднимали на уроках руку, чтобы ответить на вопрос учителя. Я повзрослела быстрее, чем они, но пропустила многие шаги в моем детском развитии. Я была другой.

Именно ощущение, что я сильно отличаюсь от остальных ребят, было основным камнем преткновения. Поэтому я чувствовала себя среди них неудобно и плохо. В конце уроков я была счастлива, что могу уйти и больше их не видеть.

Я выходила на улицу и после короткой прогулки оказывалась дома. Слава богу, что еще один школьный день был позади и я могла отдохнуть. Я спала до вечера на диване в гостиной, чтобы не пропустить ничего из того, что могло произойти.

* * *

Я долго объясняла маме, почему мне не нравится школа и мои одноклассники. Наконец в декабре мама разрешила мне в течение месяца практически каждый день оставаться дома и не ходить в школу. Папа просыпался днем и был очень раздосадован, когда видел, что я не пошла на занятия.

«Лиззи, ты опять прогуливаешь?» – возмутился он.

Не знаю, почему он так сильно на это реагировал, ведь за месяц мог бы привыкнуть, что я не хожу в школу.

«Завтра обязательно иди», – говорил он, но на следующее утро не будил меня к началу уроков. День за днем он видел, что я не хожу в школу, и только неодобрительно качал головой.

Однажды в четверг, после того, как Лизе не удалось меня разбудить и она ушла одна, в дверь нашей квартиры громко постучали. Родители спали. Я подошла к двери и услышала, что за ней разговаривают два человека – мужчина и женщина. Они снова постучали, на этот раз еще сильнее. Потом я услышала, что голоса за дверью обсуждают плохой запах. Я поняла, что они говорят о нашей квартире.

За последние полгода мама с папой практически не убирались. В одной из комнат было разбито стекло, потому что мама в приступе злости ударила в него, при этом сильно поранив руку. Мы, как могли, заклеили окно клейкой лентой и пластиковыми пакетами, чтобы дождь и снег не попадали внутрь квартиры. Но из разбитого окна дуло, на полу часто появлялись лужи, и во всей квартире было холодно. Помню, что той зимой я и Лиза переболели гриппом. У нас сломался холодильник, и папа клал пакеты молока и сыр на подоконник. Однако плохой запах, которые учуяли неизвестные визитеры, шел из ванной.

Там забился водослив. Тем не менее Лиза продолжала мыться в ванной. Она брала ведро, переворачивала его и мылась, стоя на нем. Вода в ванной не уходила и за несколько месяцев стала черной. Края заросли слизью, и от протухшей воды шел мерзкий болотный запах.

Стук в дверь прекратился, и я увидела, как под нашу входную дверь просунули записку. Потом я услышала удаляющиеся шаги неизвестных посетителей.

Я выглянула из окна моей комнаты на улицу. Чернокожий мужчина с «дипломатом» и загорелая женщина в длинном пальто подошли к припаркованной машине. Мужчина поднял голову, посмотрел на окна нашей квартиры, и мне показалось, что он меня заметил. Я отскочила от окна. Незваные посетители сели в машину и уехали.

Я подошла к входной двери и подняла просунутый под нее лист бумаги. Там было написано, что родителей Элизабет Мюррей просят позвонить господину Домбия по поводу ее отсутствия в школе. Был написан телефон, по которому надо позвонить, и типографским способом отпечатан контур руки взрослого, которая держит маленькую детскую руку.

Я посмотрела, проснулись мама с папой или нет. Потом сложила письмо, разорвала его на мелкие клочки, засунула их в разные углы мусорного ведра и накрыла банановыми корками и пивными банками, чтобы их совсем не было видно.

* * *

Однажды мама пришла домой и сообщила нам, что познакомилась с женщиной по имени Тара.

«Я стояла в очереди за «чеком» и, представьте себе, увидела белую женщину. Там белых не много. Я с ней разговорилась. – Мама сделала паузу и задумалась. – Она мне нравится».

Вскоре мама подружилась с Тарой так крепко, что они начали вместе употреблять наркотики в квартире маминой новой подруги на пересечении 233#й улицы и Бродвея. Через некоторое время мы с Лизой тоже стали там постоянными гостями.

У Тары начинался тик лица, если она нервничала. Она носила толстые свитера и джинсы-«варенки», отчего казалось, что она собирается на концерт какой-нибудь рок-группы 1980#х годов. Правда, возраст у нее был не самый юный – ей было уже немного за сорок. У нее была дочка по имени Стефани – дикое семилетнее существо, которое в любой момент могло закатить истерику и над которой мы посмеивались. У Стефани была темная кожа оливкового цвета, темные глаза и черные волосы, судя по всему, унаследованные от отца,

с которым Тара уже не общалась. Мама сказала мне, что отец Стефани был известным актером в одном популярном сериале 1970#х годов. Как утверждала Тара, дочери не досталось ни копейки из денег, которые в свое время зарабатывал ее отец.

В Тариной квартире мы смотрели мультики по телевизору и играли, а мама с Тарой «зажигали» на кухне. Тара в отличие от родителей во время приготовления дозы много и постоянно болтала. До этого я считала, что молчание родителей во время приготовления дозы было обусловлено процессом. Я слушала болтовню Тары с мамой и задавалась вопросом, действительно ли мои родители так близки, как я привыкла думать.

Общение мамы с Тарой было ограничено тремя главными темами: отцом Стефани, качеством приобретенного «чека» и излюбленными способами употребления. Тара нюхала, и потом я поняла, что большинство людей именно так и употребляли этот наркотик. Мама с папой предпочитали внутривенно. Маме практически каждый раз надо было объяснять Таре, почему она предпочитает уколы.

– Джини, да боже ты мой! Зачем ты себя дырявишь?

– Лучше это, чем полностью убить свой нос. Ты хочешь, чтобы у меня к пятидесяти годам перегородки в носу вообще не осталось? – объясняла свою точку зрения мама.

– Ну ладно, не будем об этом, Джини. Он считает, что ребенка вырастить очень легко. Отправил по почте чек, и все дела. Правда, он их практически никогда и не отправлял.

Я поняла, что мама может быть очень разговорчивой с людьми, по крайней мере, тогда, когда не «торчит».

– Я тебя понимаю, – обычно отвечала мама, и этого было вполне достаточно для того, чтобы Тара продолжила свой монолог.

– Я его засужу, отберу все до последней нитки. Я ему такое отношение к ребенку не прощу, – говорила Тара, тыкая вверх двумя пальцами, между которыми была зажата сигарета.

Как выяснилось, у мамы с Тарой было много общего. Обе выросли в сложных семьях, обеих били отцы, обе родили раньше, чем планировали, и жили за счет государства. Из всех наркотиков им больше всего нравился кокаин. Правда, способы употребления кокаина у них были разными. Тара понимающе кивала, когда мама рассказывала, как утомительно ждать ежемесячного денежного чека, и что гораздо проще «растрясти» на деньги мужиков в баре или просто попросить у прохожего на улице.

Тара считала, что добывать деньги таким образом – низкое и недостойное ни ее, ни мамы занятие. Но когда маме хотелось уколоться, ей было совершенно все равно, где взять деньги. Мама не была гордой.

«О, Джин, тебе надо с этим заканчивать. Тебе надо встретить кого-нибудь типа моего Рона, который обо мне заботится. Может быть, он и тебе поможет. Не надо просить и унижаться, честное слово».

В следующее воскресенье мы встретились с Роном, который оказался мужчиной за шестьдесят, с бледной кожей и большими карими глазами. Он был одет в пиджак серого цвета с заплатками на локтях. С детьми и взрослыми он разговаривал разными голосами.

– Привет, красавицы. Как у вас сегодня дела? – спросил он. Мы рядом сидели на диване в квартире Тары в ярком солнечном свете.

Стефани встала и обняла его за ногу. Мы с Лизой воздержались от проявления чувств. Он попытался завоевать наше доверие конфетами. Я быстро взяла три леденца и начала один из них разворачивать. Рон улыбнулся и погладил меня по голове.

– Молодец, – сказал он.

Лиза держала свою конфету в кулаке и не сказала ни слова. Выходя на кухню, Рон ей подмигнул. Лиза повернулась ко мне:

– Не ешь эту гадость, – сказала она твердо и выбила конфету у меня из рук.

– Почему? – заныла я.

– Мы его не знаем, вот почему!

– Опять ты все обламываешь! – протестовала я.

С первого дня Лиза невзлюбила Рона.

– Это незнакомый человек, поэтому и относись к нему как к таковому, – советовала она.

Но как он мог быть незнакомым человеком, когда он был другом Тары? Разве незнакомый человек будет угощать нас обедом? И будет ли незнакомый человек покупать нам конфеты и возить в своей большой красной машине? И разве мама может так быстро расположиться к незнакомому человеку?

Рон купил Таре большую часть ее наркотиков, и мама решила, что Рон начнет и ее так же поддерживать.

Пока мы со Стефани лежали на ковре и смотрели телевизор, Тара на кухне познакомила Рона с мамой. Вскоре после этого они вдвоем ушли в спальню Тары, закрыв дверь, и долго не выходили. Время от времени из-за двери раздавался смешок или глухой удар, но чем они там занимались, сказать было сложно. Наконец Рон вышел из спальни и, потирая руки, спросил:

– Ну, что, красавицы, проголодались?

Он отвез нас в ресторан быстрого питания, специализирующийся на блинах, который был расположен неподалеку от квартиры Тары на Бродвее.

Рон удивил нас, сказав, что может получить все, что пожелает. Нам с Лизой это было непонятно. Например, мы не представляли, что такое иметь неограниченный доступ к еде. В ресторане мы с сестрой заказали по огромной стопке блинов, которую не смогли доесть до конца. Я вылила на свою стопку практически целую бутылку кленового сиропа – никто даже бровью не повел. Мы не понимали, почему Стефани заказывает блюда из яиц – мы уже успели наесться яйцами на всю жизнь. Во время еды Стефани барабанила вилкой по столу и пиналась ногами во все стороны.

За обедом взрослые говорили шепотом. Больше всех говорил Рон. Он наклонился к Таре и маме, чтобы никто, кроме них, его не слышал. Руки Рон держал на бедрах женщин, и я заметила, что маме это неприятно.

Нашей следующей остановкой стал угол улицы в Бронксе. Это был плохой и бедный район с большим количеством выгоревших зданий. На углу улицы стояли черные люди, обвешанные золотыми украшениями, и слушали музыку. Рон дал маме и Таре деньги, и мама приказала нам с Лизой оставаться в машине. Вместе с Тарой они вышли на улицу и передали деньги наркочелову.

Рон на переднем сиденье обернулся к нам:

– Вы у меня настоящие красавицы. Просто супермодели.

Стефани засмеялась. Я внимательно следила за действиями мамы.

Мне не понравился человек на улице, с которым мама разговаривала. Я закрыла глаза и открыла их только тогда, когда услышала, что мама снова села в машину. Когда Рон отъехал, Тара сообщила ему, что они взяли два «чека» по десятке. Хотя мама говорила ей, что мы знаем о наркотиках все, Тара зачем-то шифровалась.

– Тара, а я знаю, как пишется «чек» на десятку, – сказала вдруг Лиза.

– Ой, помолчи, – отрезала Тара.

Мы вернулись в квартиру Тары, где они с мамой «закинулись» наркотиками.

* * *

Рон начал каждое воскресенье заезжать за нами в Тарину квартиру на своей красной машине. Всю неделю я с нетерпением ждала этого дня. Любопытно, что при папе мама нико-

гда не обсуждала наши воскресные развлечения. Инстинктивно я понимала, что мама хочет скрыть от папы встречи с Роном. Все выглядело так, словно мы невинно проводим время с мамиными друзьями.

Рон, видимо, ждал наступления воскресенья с таким же нетерпением, как и я, потому что он неизменно появлялся в одиннадцать утра без опозданий и три раза сигналил у подъезда. Потом мы совершенно без цели несколько часов катались. Тара на переднем сиденье включала радио, и мы подпевали песням в эфире.

Мы всегда обедали в блинном ресторанчике, где объедались блинами и сосисками. Рон что-то нашептывал Таре с мамой, и женщины громко смеялись.

– Вот тут-то и надо валить, если хочешь спасти свою задницу, – сказала Тара и ударила кулаком по столу.

– Тара, ты просто супер, – заметила мама. Стефани, как водится, пинала под столом все что попало. Когда мы смотрели в другую сторону, Рон сладострастно пялился на груди Тары и мамы.

* * *

Однажды Тара не смогла никуда поехать в воскресенье, и мы встретились с Роном без нее и Стефани. Рон предложил съездить к нему домой в Квинс.

– Поехали, – уговаривал маму Рон. – Ты «чек» по дороге купишь. У меня отличная квартира, вам понравится.

В Квинс мы добирались долго. В тот раз я впервые увидела автобан. Я смотрела на пролетающие мимо нас машины, Лиза спала.

Тары не было, и разговор Рона с мамой не клеился. Он включил радио, и в салоне раздался грустный и немного гнусавый голос какого-то певца кантри. Мама молчала. Рон положил ей руку на бедро, но мама отодвинулась.

Рон жил в двухэтажном особняке с лужайкой и гаражом. Внутри дома было много растений в горшках, в центре гостиной стояло огромное черное пианино. Вся мебель была из светлого дерева. Мама с Роном направились на кухню, а Лиза включила телевизор и стала смотреть мультфильмы.

Через несколько часов я проснулась от того, что Рон положил мне тяжелую руку на плечо.

– Девочки, подъем.

– А где мама? – спросила Лиза.

– Она пошла в магазин, чтобы купить пива.

Рон был в трусах. Интересно, почему мама оставила нас с ним?

– До магазина отсюда далеко, поэтому она еще не скоро придет. Она попросила, чтобы я за вами присмотрел, и сказала, что вам надо помыться, – сказал Рон. Он наклонил к груди подбородок и говорил с фальшивой искренностью в голосе.

Я могла не мыться долго, иногда до пары месяцев, поэтому такое пожелание мамы показалось мне странным. Однажды наша учительница заметила у меня на шее полоску грязи и сказала, что, когда я буду вечером принимать душ, то должна обязательно хорошенько помыть шею. Водослив нашей ванны забился, а обтираться мокрой тряпкой у меня не было желания. Поэтому дома я просто потерла рукой шею и увидела на ладони катышки грязи.

Я решила, что мама хотела использовать возможность и помыть нас в ванной в квартире Рона.

Рон встал около унитаза, а мы с Лизой залезли в ванну с водой и густой пеной. Я никогда раньше не видела Рона в трусах и подумала, что было бы неплохо, чтобы он оделся.

Я заметила, что Рон очень худой, а проглядывавшие сквозь майку соски были большими, как у женщины. Ванная комната была идеально чистой и пахла лимоном. Рон не отводил от нас глаз. Я чувствовала себя неловко и залезла поглубже в воду, подтянув колени к подбородку. Я чувствовала, что Лиза начинает злиться.

Рон говорил:

– Ваша мама сказала, чтобы вы все части тела очень тщательно помыли. Чтобы все было до скрипа чистое. Давайте-ка, покажите ноги. Поднимите их над водой.

Мы послушались и показали ему ноги.

– Так, а теперь самое ответственное. Надо помыть ваши писи. Встаньте и покажите мне, как вы их моете.

– Зачем? – спросила я.

– Так ваша мама хотела. Поднимайтесь из воды.

– Я знаю, как принимать ванну, – с раздражением ответила Лиза. – Тебе нет необходимости нас контролировать.

Рон слотнул слюну, и его взгляд забегал по стенам ванной. Впервые за все это время он отвел от нас глаза.

Я уже поднялась из воды и начала делать то, что приказал Рон, когда услышала голос Лизы. Вообще-то странно, что она стала возражать только сейчас; я почувствовала, что ей не нравится эта ситуация, еще когда Рон привел нас в ванную. Я поняла, что Лиза не на шутку разозлилась из-за того, что мама ушла, и ей не нравится, как Рон на нас смотрит.

– Выйди! Мы сами здесь разберемся!

– Хорошо, хорошо. Значит, старшая сестра будет ответственной за мытье, – пробормотал Рон, пятясь.

– Убирайся! – заорала Лиза.

Рон поспешно вышел и закрыл за собой дверь. Не говоря ни слова, мы с Лизой оделись.

* * *

Через пять недель после этих событий у мамы произошел первый за шесть лет нервный срыв, и нас с Лизой отправили на обследование в больницу. Все, что произошло в тот вечер, я помню отдельными фрагментами.

Я лежала на спине и наблюдала, как доктор достает две резиновые перчатки и надевает одну из них. Я никогда раньше не видела человека в одной перчатке, и хотела сказать ему, что он забыл надеть вторую. Но доктор отвернулся от меня и начал говорить с медсестрой. Я смотрела на белые стены, белые халаты и белые бумаги. На одной из бумаг я увидела свое имя – Элизабет Мюррей и рядом дату рождения – 23 сентября 1980.

«Мне шесть лет, – подумала я. – И здесь меня зовут Элизабет, а не Лиззи».

– Элизабет, ты не голодна? Хочешь чего-нибудь? Супа или бутерброд? Скажи, дорогая, а тебя папа случайно руками не трогает?

Я очень устала. Это был длинный день, а до этого несколько плохих недель, во время которых маме становилось все хуже и хуже. С мамой творилось что-то странное. Она начала плакать. Совершенно неожиданно она могла поднять вверх руки и начать кричать: «Убери свои руки! Я тебя убью!»

Потом мама перестала кричать и замолчала. Она надела пальто до пят и, когда к ней обращались, только поднимала воротник пальто, пряча в него лицо. Глаза у нее стали дикие, и она перестала нас узнавать.

Когда приехали полиция и «Скорая», она решила, что те хотят забрать у нее пальто. Борьба с полицейским была короткой и показала, что полисмен хорошо помнит приемы,

заученные в полицейской академии. Потом мама начала звать на помощь. Двери соседей в коридоре по мере продвижения процессии приоткрывались и потом быстро закрывались.

– Элизабет, доктор должен сделать тест. Это совсем не больно, просто немного неприятно. Но ты же у нас смелая девочка, верно?

«Нервный срыв» – такими словами кто-то описал состояние мамы. Папа говорил, что это далеко не первый и не последний мамин нервный срыв. Нас с Лизой посадили в полицейскую машину, которая поехала за «Скорой» с мамой.

Потом я закрыла глаза и не открывала их до нашего приезда в больницу.

Я никому не сказала о том, что винить за мамин нервный срыв надо меня, ведь это я рассказала ей, что произошло с Роном. Когда мама вернулась в его квартиру с упаковкой из шести банок пива, Лиза позвала ее в ванную, чтобы поговорить. Но я опередила Лизу и рассказала о случившемся. Мамино лицо побагровело, она выбежала из ванной комнаты, и я услышала, как она ударила Рона по лицу. Потом мы долго ехали с мамой на поезде, и Лиза рассказала, что Рон хотел ее фотографировать. Мои волосы так и не успели высохнуть после мытья. После этого мама в течение нескольких дней расспрашивала меня о том, что произошло в квартире Рона.

– Лиззи, расскажи маме все. Расскажи, что с тобой делал Рон.

Я сгорала от стыда, в горле пересохло, и я не могла смотреть маме в глаза. Я рассказала ей, как мне было страшно тогда в ванной, и как Рон однажды ущипнул Стефани за грудь, когда она плохо себя вела. Потом я рассказала, как однажды в квартире Тары Рон помогал мне расстегнуть ширинку и как меня трогал. Мне было очень трудно рассказывать, как Рон одной рукой держал меня, а пальцы второй засовывал мне в вагину. Тогда я до крови прикусила губу, чтобы не закричать.

Я не рассказала маме одного. Я не рассказала ей, что знала – это очень плохо и я могу закричать, чтобы позвать маму на помощь. Но я этого не сделала, потому что Рон заботился о маме, Лизе и мне. После того, как Рон ушел, я достала банку вазелина и смазала себя внутри, чтобы меньше болело.

То есть я сама способствовала маминому нервному срыву. Я могла бы остановить Рона, но я этого не сделала.

В кабинете доктора я услышала, что мама сама виновата в том, что с ней случилось. Ведь она употребляла наркотики и не пила лекарства от шизофрении. Я знала, что врачи ошибаются.

– Осмотрите детей, – приказала сестре женщина в белом халате на высоких каблуках. – Вы бы слышали, что мать говорит об их отце. Найдите доктора и проведите осмотр. Надо понять, что там случилось.

Доктор намазал какой-то гель на пальцы перчатки. Медсестра достала клацающий металлический инструмент.

– Элизабет, дорогая, потерпи чуть-чуть. Ножки поставь сюда и не двигайся.

Мои ступни чувствовали прикосновение холодного металла. Подол моего больничного платья подняли, словно парус, а ноги раздвинули. От холода по телу пошли мурашки. Доктор придвинул свое кресло поближе.

Лежа на кушетке в кабинете доктора, я мечтала, чтобы мама была рядом и обняла меня. Я хотела, чтобы все в нашей семье было по-старому. Доктор пододвинул электрическую лампу поближе.

В том месте, которое, по словам мамы с папой, я никогда не должна была трогать, я ощутила резкую боль. Там меня папа никогда не трогал.

Я почувствовала внутри себя металлический штырь, а потом пальцы доктора. От этих болезненных ощущений я захныкала и стала приподнимать бедра, но медсестра крепко держала меня. У меня на глазах выступили слезы.

– Вот и все, Элизабет. Можешь одеваться.

Все внутри меня болело. Я осторожно спустилась с кушетки и увидела на внутренней стороне бедра струйку крови.

В соседней комнате моя старшая сестра проходила точно такую же процедуру.

Я наклонилась, чтобы посмотреть, откуда течет кровь, и с ужасом увидела, что она сочится из влагалища. Я в панике стала осматривать комнату, чтобы найти что-нибудь, чем забинтовать или закрыть рану. Я схватила из металлической коробки несколько ватных тампонов, засунула их себе в трусы и заплакала.

Мои слезы падали на больничное платье. Я смотрела в потолок, крепко прижимала тампон и думала о том, что я уже никогда не буду нормальной.

III. Цунами

После маминого срыва в 1986#м ее психическое состояние становилось все хуже и хуже. За четыре года у нее было шесть приступов шизофрении, и после каждого она проводила в больнице от одного месяца до трех. Я боялась маминых приступов из-за того, что во время них она очень сильно менялась, и из-за неприятных воспоминаний, которые каждый из этих рецидивов болезни оставлял.

Я помню, когда один раз за мамой приехала полиция, она разговаривала с телевизором. Полицейские стояли в гостиной, а на их туго затянутых ремнях время от времени оживали рации, взрываясь потоком сообщений. Я сидела на кушетке и теребила кайму моей розовой ночной рубашки, а полицейские застегивали на маминых запястьях наручники. Мама никогда не отправлялась в больницу по собственной воле.

В психбольнице ее существование было крайне аскетичным: одноместная палата с отталкивающим грязь покрытием на полу, тумбочка для личных вещей и раковина для умывания. Взгляд мамы был расфокусированным, а глаза пустыми.

Со временем частота употребления наркотиков увеличилась в два или три раза. То, что она совершенно не в себе, становилось очевидным по тому, что она теряла возможность говорить законченными предложениями, и по месту на сгибе локтя, которое от постоянных уколов превращалось в сплошную воспаленную рану, похожую на раздавленную сливу. Я начала ценить время, проведенное мамой в психбольнице. Если у мамы была возможность, она постоянно принимала наркотики. Единственными периодами, когда она их не принимала, были пребывания в больнице.

На антинаркотических плакатах в школе было написано, что наркотики – это форма замедленного самоубийства. Я начала думать, что психбольница – это единственный способ спасти маму. После того, как она в ней оказывалась, у меня появлялась небольшая надежда, что она перестанет «торчать».

После каждого пребывания в психбольнице Норд-Сентрал-Бронкс казалось, что мама в состоянии начать новую, здоровую жизнь. Она прибавляла в весе, что было особенно заметно по талии и бедрам, темные круги под глазами исчезали, и прекрасные черные волосы снова казались блестящими и густыми. Мама начинала регулярно посещать встречи «Анонимных наркоманов». Около зеркала появлялись яркие брелки, которыми в «Анонимных наркоманах» отмечали определенные периоды жизни без наркотиков: день, неделя, месяц. Но мама всегда срывалась.

С гнетущей неизбежностью у мамы наступал новый период. Она переставала ходить на собрания. Она сидела в комнате перед телевизором, перепрыгивая с канала на канал. Наступало время идти на собрание, но она этого не делала. Она пропускала одно собрание, второе, третье. Когда приходил месячный чек с пособием, мама спускала все деньги за выходные. После этого она несколько дней спала, не просыпаясь, а телефон разрывался от звонков из «Анонимных наркоманов».

Как выяснилось, кокаин полностью убивал эффект препаратов, которые она принимала в психлечебнице. После периода употребления наркотиков маме снова надо было лечиться, и папа превращался в родителя-одиночку, который должен был взять на себя всю заботу о детях.

Надо отдать ему должное, в периоды маминого лечения папа был на высоте. Точно так же, как маме проще было держаться в рамках семейного бюджета, когда папа сидел в тюрьме, так и папа в мамино отсутствие умел растягивать социальные деньги на весь месяц.

Я вдруг поняла, что суммы пособия, которую мама с папой просаживали за несколько дней, хватает на то, чтобы целый месяц каждый день есть обед и даже перекусывать по вечерам. Напевая любимые мелодии старых хитов, папа проводил несколько часов у плиты, жарил стейки по два доллара и подавал их с гарниром из картофельного пюре или макарон.

Два раза в неделю мы навещали маму, и в эти дни папа давал нам с Лизой по четыре двадцатипятицентовые монеты. Половину я сохраняла и клала в копилку в форме Винни Пуха. Я собирала эти деньги не на что-то конкретное, а просто для того, чтобы взвесить в руках копилку и сказать себе, что все деньги внутри принадлежат мне. К окончанию четырехлетнего периода, в который мама периодически попадала в психбольницу, я могла точно посчитать время ее пребывания в клинике по количеству монет.

К середине 1990#го у меня набралось более двадцати долларов мелочью, но потом мама нашла их и потратила. Я называла эти деньги «сумасшедшими двадцатипятицентовыми монетами» по аналогии с состоянием мамы, лежавшей в психлечебнице. Когда мама лежала в клинике, папе было легче экономить, потому что он не так часто, как она, употреблял наркотики – всего семь или восемь раз в неделю. Папа не устраивал себе «загулы», постоянно покупая наркотики, пока у него есть деньги. Казалось, что он был почти счастлив, когда не «торчал».

Сразу после маминой выписки у родителей были короткие периоды, когда они употребляли мало. В такие дни мы все вместе ходили смотреть кино, мама расчесывала мне волосы, а папа пылесосил ковер и каждую неделю посещал библиотеку.

Но я знала, что светлая сторона родительских характеров рано или поздно может, как движение маятника, смениться на темную, когда они полностью уходили в себя и в наркотики.

Движение этого маятника определялось различными стадиями маминой психической болезни. Летом 1990#го «привычное» движение маятника их судеб резко изменилось, и родители ушли в восьмимесячный «загул». Этот период совпал с худшим периодом их супружеских отношений.

Отношения родителей как пары становились все плачевнее. Они сильно ухудшились за последние четыре года, в самый долгий период пребывания мамы вне клиники. В это время изменилось и мое отношение к маме. Я ловила себя на мысли, что желаю, чтобы ее снова забрали в больницу, чтобы она снова окончательно сошла с ума. Я хотела избавиться от негативной атмосферы, которая сложилась вокруг матери.

Это было лето перед тем, как мне исполнилось десять лет. После многочисленных громких ссор и споров, зачинщицей которых являлась главным образом мама, родители начали спать раздельно. Причиной раздоров явились мамины подозрения, что с папой что-то не то, что, возможно, он ей изменяет.

«Он виноват, – говорила мама. – Он что-то задумал».

После каждого нервного срыва матери и ее пребывания в клинике доктора заявляли, что она «окончательно излечилась». Тем не менее в последнее время у мамы появилось странное чувство, что с папой что-то не то, у нее возникали какие-то подозрения.

«Лиззи, у него определенный склад характера. Ты поймешь, о чем я говорю, когда подрастешь».

Мама во время болезни много чего себе придумывала. Однако и я начала задумываться, верить мне папе или нет. Я защищала папу перед мамой, но иногда задумывалась – чем он занимается во время своих долгих и не объясненных нам уходов из дома. Иногда я вспоминала один связанный с папой, смутно запомнившийся мне эпизод.

Мне тогда было шесть, а Лизе восемь лет. Мы вместе с папой шли гулять в парк. По мере приближения к парку папа вдруг отпустил мою руку и подтолкнул в сторону Лизы. Я запомнила, что в этом действии было что-то необъяснимое и подозрительное.

«Иди с Лизой. Она ответит тебя к Мередит».

Мне показалось странным, почему сам папа передумал идти с нами в парк. Я потянулась к нему, но папа оттолкнул меня. Его руки тряслись.

«Пошли, – сказала Лиза. – Пойдем к Мередит, вот она, впереди».

На другой стороне улицы у начала тропинки, ведущей в парк, стояла девочка подросткового возраста, улыбалась и приветливо махала нам рукой. Помню, что у девочки были каштановые волосы.

Через несколько лет Лиза подтвердила, что это был реальный случай. Она сказала, что до того, как папа познакомился с мамой, у него родилась дочка – наша сестра по имени Мередит. Папа ушел из той семьи, когда Мередит было всего два года.

Я не могу припомнить ни одного случая, когда папа упомянул имя Мередит при маме. Мередит никогда нас не навещала. Иногда мне казалось, что я выдумала это воспоминание, в глубине души зная, что это не так. Иногда мы с Лизой говорили, что было бы неплохо встретиться с Мередит и познакомиться с ней поближе.

Папа очень много времени проводил вне дома, поэтому я могла только догадываться, чем он в это время занимается. Иногда папино поведение казалось мне загадочным.

Было ли поведение папы действительно таковым или нам только казалось, но мама была очень враждебно настроена по отношению к папе, за словом в карман не лезла, высказывала все, что думает, кричала и провоцировала. Папа воспринимал ее выходки спокойно и относился к ним с безразличием.

«Всему есть свои пределы, через какое-то время просто перестаешь обращать на это внимание», – говорил он мне.

Подобное отношение вызывало еще больше негатива со стороны мамы. Неудивительно, что они в конце концов перестали быть парой, и когда мама переселилась на диван, казалось, что она должна была сделать это значительно раньше.

С переездом мамы в гостиную пространство превратилось в настоящую помойку. Повсюду валялись окурки сигарет, спички, ключи, нижнее белье, старые журналы, тарелки с присохшими остатками еды и жужжащими над ними мухами. Днем мама спала, а папа был в городе. Я ходила на цыпочках, чтобы ее не разбудить, закрывала окно, чтобы на нее не дуло, и укутывала ее одеялом, чтобы она не простыла. Стоя у маминого изголовья, я чувствовала запах пивного перегара из ее рта. Проснувшись, мама несколько раз в день бегала в магазин за гигантскими бутылками пива, которые она выпивала жадными глотками, и часто плакала.

Теперь мама с папой перестали «торчать» вместе. Папа мог читать, сидя около настольной лампы, и смеялся так громко, что было слышно в туалете. Он старался не конфликтовать с мамой, не пускать ее в спальню и не давать ей свои книги. Если в спальне было все необходимое – старые журналы аккуратно сложены в замысловатой, одному ему понятной последовательности, и у кровати стояла пустая бутылка из-под лимонада, чтобы не надо было выходить в туалет, папа мог часами не выходить из комнаты. Чтобы чувствовать себя спокойно, ему достаточно было знать, что он плотно закрутил крышечку на бутылке лимонада, и все ручки на газовой плите повернуты на «выкл».

Когда ссоры родителей становились слишком громкими, мы с Лизой запирались в своих комнатах, расположенных в противоположных концах квартиры. Лиза слушала музыку, я читала. Сидя за столом, я читала папины детективы, биографии и другие книги на совершенно разные и неожиданные темы. Скорость моего чтения увеличилась, и я заканчивала книгу за неделю. Это помогло мне успешно сдать все тесты в конце учебного года, несмотря на то что моя посещаемость школы была весьма sporadической. Я могла неделями не появляться в школе, но была в состоянии разобраться и понять любой литературный материал, который мне предлагали. После успешной сдачи экзаменов меня переводили в следующий класс, совершенно не задаваясь мыслью, выучила я что-нибудь в школе или нет.

Через некоторое время я начала искать развлечения, не связанные с чтением или школой. Мне надо было забыть то, что происходит у меня дома. Свои экспедиции и исследования района, в котором мы жили, я начала сразу после окончания первого класса. В июле 1987#го я познакомилась с братьями Риком и Дэнни. Хотя между ними было два года разницы, они были настолько похожи, что их часто принимали за близнецов. У обоих были прекрасные зубы, кожа цвета сладкой карамели и одинаковые прически. Я была на год младше Рика и на год старше Дэнни, отчего чувствовала себя словно их сестра, правда, без пуэрто-риканских корней.

Мы познакомились, когда братья прыгали на выброшенном на свалку матрасе на Университи-авеню. Они были грязными, почти дикими, как и я сама, и непохожими на моих ровесников из школы. Я поняла, что с ними мне будет легко завязать контакт.

– Можно мне попрыгать на вашем трамплине? – спросила я Рика, который скакал на матрасе.

– Пожалуйста, – ответил он и улыбнулся.

В тот день мы провели за игрой целый час. Разговорившись, мы поняли, что у нас много общего. У Дэнни в детском саду № 261 была та же воспитательница, что и у меня. Точно так же, как у меня, их любимой едой были макароны с сыром производства компании *Kraft*. Рик прятки нравились больше, чем игра «Шумное море, замри!», и мы с ним родились в один день, только он был ровно на год старше меня.

В тот же день я оказалась в их вычищенной до блеска трехкомнатной квартире в окружении их родственников: старшего брата Джона, младшего Шона и мамы, которую тоже звали Лиз. Она приятно пахла специями и широко улыбалась мне, накладывая щедрые порции риса с бобами. Потом мы допоздна «рубилась» с братьями в видеоигру. Я уснула, не раздеваясь, и кто-то заботливо накрыл меня одеялом.

На протяжении последующих трех лет я стала почти членом их семьи. Я постоянно оставалась у них ночевать, ела еду, приготовленную по латиноамериканским рецептам, ходила вместе с ними в зоопарк в Бронксе и была запечатлена на многих семейных фотографиях. Было бы любопытно узнать реакцию незнакомого человека или нового друга семьи Фернандез, который, рассматривая фотографии, видел, как я позирую во время причастия братьев или обнимаю их бабушку во время семейного пикника.

По снимкам было видно, как я расту и взрослею вместе с Риком, Дэнни, Джоном и Шоном. Моими любимыми фотографиями были те, которые снимали во время наших совместных с Риком дней рождений. Мама Рика просила написать кремом наши имена на торте. На фото видно, как мы с Риком задуваем свечки, а руки хлопающей в ладоши мамы Лиз размазаны и похожи на крылья колибри в полете – из-за низкой выдержки фотоаппарата.

Я очень любила их семью, но никогда не рассказывала им, что происходит в моей собственной. Рик, Дэнни и Лиз, конечно, спрашивали меня, но я не выдавала семейных секретов и каждый раз ловко меняла тему разговора.

Тогда я завязывала волосы резинкой в хвостик. Я знала, что вся грязная, поэтому, как только приходила к ним в квартиру, тут же шла в туалет и терла шею, с которой грязь скапывалась в катышки, и кожа становилась розовой, как у поросенка. Чтобы никто не почувствовал вонь моих грязных кед, я засовывала их в самый дальний угол квартиры, куда-нибудь поближе к мусорному ведру на кухне. Спрятав улики, которые выделяли меня среди других детей, я могла расслабиться. Вернувшись домой, я никому не рассказывала, где и с кем проводила время.

Я инстинктивно чувствовала, что мне не стоит рассказывать маме с папой о Рике, Дэнни и их матери. Когда мама валялась в отрубе на диване, над ней кружились мухи, а сигаретные окурки плавали в пиве, как-то язык не поворачивался сказать, что я ходила на пикник или плавала в бассейне, купалась, загорала и ела домашнюю еду с семьей Рика и Дэнни.

Сестре и папе такую информацию тоже не очень хотелось выдавать. Любая полученная вне дома радость казалась мне предательством. Я всегда что-то скрывала: дома и в квартире Рика и Дэнни, в школе – куда бы я ни пошла, я никому никогда полностью не открывалась. Чтобы не обращать на себя излишнее внимания в школе, быть дома «хорошей» дочерью и не испугать своих друзей, я была вынуждена это делать.

После того как мне исполнилось девять лет, мне все сильнее и сильнее хотелось быть на улице, на людях, потеряться в этом мире. Улицы и переулки Бронкса были заполнены людьми, белье ярко-фиолетового, зеленого и желтого цветов сохло на веревках и развевалось, как флаги. Я жаждала движения, и дружба с Рики и Дэнни, когда они были без родителей, давала мне возможность двигаться.

Втроем мы бродили по Бронксу до тех пор, пока не начинали гудеть ноги. Мы шли только ради того, чтобы понять, как далеко мы можем зайти, шли по Гранд-Конкорс, по Джером-авеню, под путями надземки четвертого маршрута до тех пор, пока рельсы не уходили в землю и надземка не становилась подземкой.

Мы на много километров уходили от Университи-авеню и доходили до стадиона команды «Янкиз». Там Бронкс заканчивался и начинался Манхэттен, и названия улиц становились незнакомыми, вместо домов из красного кирпича появлялись расположенные рядом с забитыми машинами трассами автомастерские. Здесь мы поворачивали назад и шли домой другой дорогой. Вечерело, улицы становились опасными, под фонарями появлялись компании с огромными и шумными магнитофонами. Мы были детьми улиц, нарушителями порядка, как нас бы назвали обыватели. Мы делали все то, что делать не стоит, в особенности то, что опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.